

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

А.Е. МЕДОВИЧЕВ

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ
АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.**

Аналитический обзор

**МОСКВА
2019**

ББК 63.1(0)6+63.3(0)321

М 42

Серия
«Всеобщая история»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел истории

Ответственный редактор – д-р ист. наук Т.Б. Уварова

Медовичев Александр Евгеньевич

М 42

Новые тенденции в изучении афинской демократии в исторической науке конца XX – начала XXI в. : анализ. обзор / А.Е. Медовичев. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Уварова Т.Б. – Москва, 2019. – 91 с. – (Сер.: Всеобщая история).

ISBN 978-5-248-00922-0

Рассматриваются современные подходы к интерпретации исторического опыта афинской демократии и таких ассоциируемых с ней понятий, как «свобода», «власть закона» и «суверенитет народа». Прослеживается эволюция представлений о принципиальном сходстве идеалов и ценностей античной демократии и либеральной демократии Нового и Новейшего времени.

Для историков и политологов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов.

ББК 63.1(0)6+63.3(0)321

СОДЕРЖАНИЕ

Меняющееся видение демократии: Афинская демократия как историографический феномен (Вместо введения)	4
Polis как специфическая политическая община (Эгалитарные тенденции и идея справедливости)	15
Социальный кризис, «гоплитская революция» и «гоплитская демократия» (От идеи справедливости к идее равенства)	24
Радикальная демократия: «суверенитет народа» или «тирания» demos'а?	47
Афинская демократия IV в. до н.э.: от «власти народа» к «власти закона»?	78
Список литературы	87

МЕНЯЮЩЕЕСЯ ВИДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ: АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Афинская демократия является тем феноменом в мировой истории, отношение к которому в интеллектуальной среде практически никогда не было нейтральным, ни в эпоху ее существования, ни спустя более двух тысячелетий после ее исчезновения. Для одних она была и остается «шокирующим примером “власти толпы”», а для других – образцом коллективного самоопределения, по сравнению с которым все современные формы не прямой, представительной демократии выглядят ущербными» (51, с. 1–2). Впрочем, как в древности, так и в Новое и Новейшее время предпринималось немало более или менее успешных попыток объективного анализа данного феномена. Примечательно, однако, что даже внутри той культурной традиции, которая создала демократию, результатом такого анализа была в целом негативная оценка. Наиболее авторитетные мыслители из числа современников, включая Сократа, Ксенофонта, Исократу, Платона и Аристотеля, полностью отвергали базовые демократические принципы, особенно демократический взгляд на политическое равенство. Сама идея о предоставлении власти скорее массам, чем немногим достойным, могла казаться извращением справедливости и здравого смысла, вводя равенство там, где его нет, и создавая риск возникновения тирании непросвещенного большинства. И даже еще относительно не так давно, в первой половине XX столетия, такие влиятельные фигуры, как Макс Вебер (1864–1920) или Йозеф Шумпетер (1883–1950), отнюдь не безоговорочно вели речь об эффективности системы, которая дает власть народу (см.: 45, с. 2).

В современном мире, когда демократия стала нормой политического устройства общества, высокий уровень интереса к истокам этой формы государства заставляет историков вновь и вновь обращаться к ее афинской версии. С одной стороны, это объясняется тем, что афинская демократия представляла собой наиболее яркий пример, своего рода эталон, прямой демократии, технологическая возможность и политическая целесообразность реализации которой в наше время все чаще становится предметом обсуждения (см.: 40). С другой стороны, процесс ее возникновения и развития относительно полно представлен в сочинениях античных писателей и в эпиграфических источниках, что позволяет достаточно детально реконструировать процесс эволюции политической системы Афин в контексте их экономического и социального развития. В центре внимания исследователей остаются также вопросы о том, какие факторы стимулировали возникновение демократии в греческом мире, какие политические принципы и идеалы составляли ее фундамент и способствовали ее эволюции, какую роль в трансформации демократии играли военный фактор, а также образование и развал афинской «империи».

Проблема различий между древней афинской и современной либеральной демократиями также является одной из центральных в историографии. Подход к ней до недавнего времени нередко сводился к тому, что прямое самоуправление граждан противопоставлялось представительной системе управления, а коллективный суверенитет без «сдержек и противовесов» выступал как противоположность основанному на правах конституционализму. Те же исследователи, которые склонны максимизировать дистанцию между «древними» (ancients) и «современными» (moderns), рассматривают polis как безгосударственное общество. Соответственно, с их точки зрения, демократическая версия полиса не имеет ничего общего с современными демократическими государствами, поскольку государством вообще не является. Для преодоления столь упрощенческого подхода в современной науке предпринимаются большие усилия к тому, чтобы выяснить, как работал демократический режим в данных конкретных исторических условиях, и как эволюционировал его *modus operandi* с течением времени.

К настоящему моменту ввиду непреходящей актуальности данной темы количество монографий и статей по афинской демократии (как общего плана, так и по отдельным ее аспектам) исчисляется тысячами. Поэтому в данном обзоре акцентируется внимание лишь на сравнительно немногих работах, которые, однако, как

представляется, позволяют проследить основные направления развития зарубежной историографии, обозначить приоритетные темы исследований и новые подходы западных историков к изучению ключевых проблем афинской демократии. При этом в ряде случаев, несомненно, будет оправданным использование наработок ведущих российских специалистов в данной области.

В XX столетии в изучении афинской демократии абсолютно господствовали два направления, хотя и противоположные в плане тематики исследований, но в целом дополняющие друг друга (см.: 4, с. 10–14). Первое направление было ориентировано на изучение преимущественно политических институтов, эволюции их роли и функций в политической системе Афин. Этот «институциональный» подход преобладал в конце XIX – первой половине XX в., что, по крайней мере отчасти, объясняется введением в научный оборот в 1891 г. такого исключительно важного источника, как трактат Аристотеля «Афинская полития», представляющего собой детальное описание государственного устройства афинян в IV в. до н.э. и истории его формирования. В течение данного периода был заложен фундамент наших знаний об афинской демократической «конституции» и этапах ее эволюции (4, с. 10), а одной из важнейших итоговых работ, по крайней мере в англоязычной историографии, может считаться изданная в 1952 г. «История афинской конституции до конца V столетия до н.э.» Чарльза Хигнетта (35).

Преобладание институционального подхода в данный период было также обусловлено общим сдвигом в политической науке в сторону более эмпирического научного метода, тщательно избегающего нормативных определений и теоретизирования по поводу реального и идеального. В соответствии с этим методом получила развитие тенденция перенести дискуссию о демократии вообще с теоретического уровня и вопросов, касающихся идеи демократии, ее идеалов и принципов, на эмпирический уровень и тот способ, посредством которого демократия функционирует в конкретных государствах. В результате, начиная с Йозефа Шумпетера, демократия стала рассматриваться в узком смысле как институциональное оформление политических решений. Иными словами, демократия оказалась лишь способом или процессом, посредством (или в результате) которого управляемые могли выбрать себе управляющих и вручить им власть (см.: 45, с. 3).

Во второй половине XX в. в изучении афинской демократии все более популярным становится направление, которое характеризуется углубленным анализом «неинституциональных форм и

элементов афинской политической жизни» (4, с. 11). В центре внимания ученых теперь оказались афинская экономика и социальные отношения, роль и специфика элиты в демократическом афинском полисе, ее взаимоотношения с массой рядовых граждан, характер и структура политических группировок. Было изучено воздействие демократии на повседневную жизнь граждан, на религию и право, военное дело, идеологию и культуру. Основоположником нового направления в 50-е годы прошлого столетия стал профессор Кембриджского университета (Великобритания) А.Х.М. Джонс, по мнению которого, для того чтобы понять, как работала афинская демократия, необходимо в первую очередь исследовать ее экономическую базу.

В настоящее время, разумеется, мало кто из исследователей разделяет идею Джонса о том, что афинская демократия в столь малой степени зависела от рабства, что освобождение даже всех рабов не могло иметь существенного значения. Однако сама постановка вопроса о социальной структуре и экономической системе Афин была крайне важна, поскольку явилась стимулом для дальнейших исследований в данном направлении (55, с. 2–3, 9–10).

Большой вклад в изучение реальной практики функционирования афинской демократии во второй половине XX в. внес Мозес Финли. В отличие от Джонса, Финли не сомневался в том, что рабство являлось фундаментом античной экономики и что рост свободы в Афинах шел в тесной взаимосвязи с ростом рабства. Многие специфические черты афинской демократии он объяснял тем, что Афины были обществом, в котором каждый знал каждого (*face-to-face society*) (18, с. 17). Эта идея, как отмечает Робин Осборн, один из наиболее крупных британских специалистов по истории афинской демократии, может показаться неприменимой к классическим Афинам с их гражданским коллективом порядка 50 тыс. взрослых мужчин. Однако изучение эпиграфических материалов, содержащих сведения о повседневной политической жизни афинян, показало чрезвычайно важную роль в системе принятия решений небольших локальных групп, демов (*demoi*), представлявших собой объединения типа сельских общин, которые по своим размерам и характеру соответствовали понятию *face-to-face society* (55, с. 7, 9–10).

Роль деревенских общин-деммов, получивших благодаря реформам Клисфена политический статус в качестве базовых структурных подразделений афинской административно-политической системы, основательно изучена в работах Р. Осборна, Д. Стоктона,

Д. Уайтхеда, Э. Вуд, П. Исмард (56; 71; 78; 79; 37). Наделение сельских общин политическими функциями превратило демы в своего рода фундамент афинской демократии, что позволило некоторым исследователям трактовать клисфеновскую политику как «режим мелких землевладельцев» или «крестьянскую демократию» (см., например: 79, с. 101–119).

Как показал Р. Осборн (56), конституционно демы являлись основой демократии в двух отношениях. Во-первых, именно они отвечали за кооптирование новых членов в состав гражданского коллектива полиса путем голосования в собрании демотов. Во-вторых, их важнейшей политической функцией был отбор представителей для работы в центральном органе власти Афинского полиса – совете 500 (буле) по квоте, установленной в зависимости от количества членов дема (см. также: 43, с. 192–193; 54, с. 70; 56, с. 74, 80–81, 88). Главным образом это обстоятельство, а также необходимость учитывать реальные условия (географические, социальные, экономические), определявшие формы и степень участия граждан в управлении полисом, позволили Р. Осборну высказать мнение о том, что прямая демократия могла существовать только на уровне демов, но не на уровне Афин в целом. «Благодаря демам, – полагал он, – то, что в теории было прямой демократией, на практике являлось утонченной формой представительной демократии» (56, с. 92). Эта идея британского исследователя, разумеется, не нашла поддержки у подавляющего большинства историков, и представление об афинской демократии как именно о прямой демократии остается по-прежнему аксиомой.

В рассматриваемый период появился и ряд важных в научном отношении работ, посвященных таким ключевым институтам афинской демократии, как совет 500 (65) и народное собрание (экклесия) (24), а также институту афинского гражданства (43). Таким образом, как справедливо отметил один из ведущих российских специалистов по истории афинской демократии И.В. Суриков, отказ от институционального подхода не мог носить тотальный характер в силу той огромной роли, которую политические институты, особенно органы государственной власти, играли в демократическом афинском полисе. В условиях прямой демократии, предполагающей непосредственное участие большинства граждан в работе этих институтов, неинституциональные, не связанные с государством формы общественной жизни не могли получить существенного развития. В результате вся общественная жизнь греческого (особенно демократического) полиса была предельно институционализирована.

Соответственно, полагает исследователь, изучение «институционального» аспекта афинской демократии остается актуальной задачей, но осуществляться оно должно на новом уровне, предполагающем некий синтез «институционального» и «неинституционального» подходов. Иными словами, политические институты должны исследоваться не изолированно, но в широком контексте всей политической жизни города-государства (4, с. 14). В новейшей отечественной историографии примером такого подхода могут служить фундаментальная монография самого И.В. Сурикова «Остракизм в Афинах» (2006) (4), а также не менее фундаментальная работа Т.В. Кудрявцевой «Народный суд в демократических Афинах» (2008) (1).

В зарубежной историографии последнего десятилетия XX в. дополнительным стимулом к интенсификации исследований различных аспектов афинской демократии явилась отмечавшаяся в 1993 г. 2500-летняя годовщина реформ, проведенных в Афинах в 508/507 г. до н.э. Клисфеном. В рамках проекта под общим названием «Демократия-2500» была проведена серия международных конференций, материалы которых нашли отражение в целом ряде сборников, коллективных монографий и индивидуальных исследований, посвященных различным проблемам античной демократии, ее отношению к демократии современной, взаимосвязи между демократией и имперским владычеством. Столь существенный рост интереса к данной тематике как среди ученых, так и среди широкой общественности, в значительной степени был обусловлен процессами, происходившими в тот период в Восточной и Центральной Европе, связанными с падением коммунистических режимов и распадом Советского Союза. Эти события были восприняты как полная победа демократической системы и демократической идеологии в ее либеральной версии. Соответственно, преобладающим тоном основной массы работ было бесконечное прославление афинской демократии и крайне высокая оценка ее достижений в плане реализации на практике демократических принципов (2, с. 22). Характерным примером могут служить работы таких крупных зарубежных антиковедов, как Дж. Обер и М.Г. Хансен, которые склонны находить много общего между афинской *dēmokratia* и современной либеральной демократией, по крайней мере в сфере идеологии. Об этом, с их точки зрения, свидетельствует идентичный набор главных политических идеалов: «свобода» – *eleutheria* и «равенство» – *isotēs* и все слова с компонентом *iso-*, *ise-* (как, например, *isonomia* – «равноправие», «равенство перед законом»; *isegoria* – «равное право на высказывание») (25, с. 16–17; 54, с. 3–4).

Можно вполне согласиться с мнением крупнейшего российского историка Античности Л.П. Маринович о том, что внеучный импульс к столь широкому празднованию 2500-летия демократии достаточно очевиден (и это, как она отмечает, не скрывали и сами участники мероприятий). Данное обстоятельство, по мнению ученого, особо подчеркивает выбор в качестве отправной точки реформы Клизфена конца VI в. до н.э. (2, с. 23). Действительно, спустя 70 лет после этой даты историк Геродот утверждал как неоспоримый факт, что именно Клизфен «установил филы и демократию для афинян» (6.131.1). Однако позднее, в IV в. до н.э., афиняне относили возникновение своей демократии к более раннему времени, связывая это событие с Солоном, законодателем начала VI в. до н.э., либо даже с легендарным царем Афин Тесеем. В современной историографии, пожалуй, главным претендентом на титул «основателя афинской демократии» является Эфиальт, политический деятель 460-х годов до н.э. В числе кандидатов на этот титул фигурируют также Перикл и те государственные деятели, которые рационализировали политическую систему Афин на рубеже V–IV вв. до н.э. Впрочем, как отмечает К. Раафлауб, сама правомерность такого «титула» энергично отвергается многими исследователями (60, с. 2).

Теперь, когда интенсивность споров о «Демократии 2500», поднятая взрывом либерального энтузиазма, пошла на спад, по словам К. Раафлауба, «появилась та необходимая дистанция, которая делает синтез аргументов не только возможным, но и желательным. Наступило время, – пишет он, – снова вернуться к некоторым вопросам, которые обсуждались десять лет назад, как в силу их особой важности, так и благодаря прогрессу, достигнутому за более чем тридцать лет интенсивных исследований» (там же).

Ответ на вопрос о том, когда возникла демократия, в значительной степени зависит от того, какое содержание вкладывается в это понятие. Позиции исследователей в данном случае определяются выбором приоритетных, с их точки зрения, источников и критериев оценки. По мнению одних (Э. Рушенбуш), любая система, в которой народ в собрании участвует в процессе принятия решений, по существу, является демократией. Соответственно, они находят демократию уже в том обществе, которое представлено в гомеровском эпосе. Другие (К. Раафлауб) полагают, что демократия становится реальностью только тогда, когда активное участие в политической жизни охватывает всех взрослых граждан мужского пола вне зависимости от их социального и имущественного по-

ложения, уровня образования и способностей. К середине V в. до н.э. этот исключительно широкий по составу гражданский коллектив через собрание, совет и суды начинает осуществлять полный контроль над всеми политическими процессами – от выработки политической линии до ее реализации. Тогда же для обозначения этой политической системы появляется и новое понятие – *dēmokratia* (60).

Впрочем, та демократия, которая известна благодаря относительно большому числу источников, относящихся ко второй половине V – IV в. до н.э., была результатом длительного эволюционного процесса. Развитие этого процесса прослеживается с начала VI в. до н.э., но его истоки, как считают К. Раафлауб и Р. Уоллес, можно обнаружить в менталитете, ценностях, моделях поведения и институтах в еще более раннее время, в VII и, возможно, во второй половине VIII в. до н.э. (64).

Таким образом, отмечает К. Раафлауб, «если мы зарезервируем термин “демократия” для вполне развитой системы второй половины V в. до н.э. ... тогда более ранние системы в качестве предшественников этой демократии могут быть с полным основанием определены как “пред-“ или “протодемократии”» (60, с. 15). Точно так же, полагает он, нет никаких препятствий к тому, чтобы рассматривать описанные Аристотелем различные формы демократии в диахронном аспекте, т.е. представляя их в виде некоей линии конституционного развития от VI до IV в. до н.э. И с этой точки зрения система, созданная Солоном в начале VI в. до н.э., а затем испытывавшая ряд трансформаций, на каждом этапе своего развития, представляла собой лишь разные формы демократии. Сходным образом, независимо от того, называть ли политические системы «клизеновского типа» эгалитарными («исономическими») или демократическими, неопровержимым остается тот факт, что впоследствии афиняне сделали ряд решительных шагов в институциональном развитии. В результате сложившаяся к середине V в. до н.э. система стала если не уникальной (с точки зрения К. Раафлауба, именно такой она и являлась в то время), то определено исключительной в плане реализации базовой идеи демократии о том, что все граждане должны быть политически равны (там же).

В целом в современной зарубежной историографии подход к изучению афинской демократии в значительной степени обусловлен тенденцией рассматривать демократию вообще не только (и даже, может быть, не столько) как набор определенных институтов

и процедур, а прежде всего как идеологию, комплекс политических идеалов, формируемых определенными взглядами на природу, достоинство и социальные нужды людей. Процедуры и институты демократии определяются этими идеалами и предназначены для того, чтобы воплотить их в жизнь. Именно эти идеалы формируют определяющие черты демократии. Их реализация является конечной целью, а процедуры и институты – средством (45, с. 3).

В качестве примера такого («идеологического») подхода можно назвать новейшую монографию профессора Тринити-колледжа Дублинского университета (Ирландия) Томаса Митчелла (45). Усматривая истоки демократии в традициях греческого полиса и в тех революционных переменах, которые охватили Эгеиду в VII–VI вв. до н.э., автор уделяет значительное внимание идеалам и принципам, инспирировавшим ее возникновение и дальнейшую эволюцию. В своей развитой форме демократические идеалы, отмечает он, впервые сложились в Афинах. Соответственно, роль Афин в качестве прародительницы идеологических основ демократии и первого образца исключительно стабильного демократического режима, на них базирующегося, делает афинский опыт крайне важным для лучшего понимания достоинств и недостатков демократической системы как таковой (45, с. 4).

Пример Афин, как отмечает Т. Митчелл, также важен и в плане изучения взаимодействия теории и практики демократии. «Конституция» Клисфена 508/507 г. до н.э., часто принимаемая за точку отсчета, стала кульминацией происходившего в греческом мире процесса становления общества, в котором современники видели воплощение идеи *isonomia*, «равенства перед законом». И в дальнейшем развитие демократии, с точки зрения ирландского исследователя, в значительной степени определялось воздействием идеологических влияний и теоретических спекуляций. Наиболее известные политические фигуры классической эпохи – Перикл, Фукидид (сын Мелесия), Алкивиад, Ферамен, Критий, выдающиеся ораторы IV в. до н. э., выступавшие в роли политических советников демоса, – все они были продуктом интеллектуальной среды, созданной софистами, в которой политические дебаты и теоретизирование занимали ведущее место. Расцвет в IV столетии школ Платона, Исократы, Аристотеля, уделявших особое внимание политическим принципам и системам, прежде всего демократии и ее специфической афинской версии, показывает, что политическая теория и базирующиеся на ней формы правления оставались главным предметом обсуждения среди интеллектуалов. Воздействие

этой идеологической культуры на эволюцию афинской демократии, полагает Т. Митчелл, заслуживает специального исследования (45, с. 5–6).

Комплексным подходом отличается фундаментальная монография профессора Кембриджского университета (Великобритания) Робина Осборна, в которой афинская демократия рассматривается во всех ее политических, социальных, экономических, художественных и религиозных проявлениях. Особое внимание Р. Осборн уделяет взаимосвязи между специфическим типом афинской политической системы и характером афинского общества. «... Тот факт, – пишет автор, – что Афины были демократией, несомненно, оказывал воздействие на афинское общество, афинскую экономику, искусство и религию Афин. Но равным образом социальные формы, экономика, искусство и культовая практика влияли на тот особый способ, каким фактически работала афинская демократическая конституция» (55, с. XII). Определенную новизну подходу британского историка к изучению афинской демократии придает и широкое использование им наряду с литературными текстами и эпиграфическими материалами археологических данных. Археологические источники, как показывает исследователь, имеют фундаментальное значение для понимания специфики афинского сельского хозяйства. Столь же важны для изучения афинской политики и афинского общества скульптура и расписная керамика – во многом еще не реализованный исторический потенциал тысяч изображений на афинской чернофигурной и особенно краснофигурной посуде.

Достаточно перспективным представляется метод сравнительного изучения происхождения, институциональных форм, общественных ценностей, юридических и неформальных норм, политических практик, экономических отношений и глобального контекста функционирования афинской демократии и римской республики. Их исследования в основном идут независимо друг от друга, пересекаясь крайне редко. В результате остается без должного внимания то, какое звучание могут приобрести сходные темы при сравнительном анализе там, где слишком мало что выглядит подходящим для сравнения. Между тем, как отметил редактор изданной в 2015 г. коллективной монографии «Греческая демократия и Римская республика» (14) Дин Хаммер, сопоставление имеет смысл уже потому, что и афинская демократия, и римская республика принадлежат к одной категории так называемых «партисипативных обществ» (participatory communities), под которыми пони-

маются такие общества Древнего мира, в которых политика не являлась исключительной сферой деятельности какой-то одной узкой группы людей, но формировалась на основе широкого участия (23, с. 2).

Сравнительный анализ делает очевидным тот факт, что имелись «две истории эволюции партисипативной системы управления, в которых исключительность гражданства, как вертикальная, по классовому принципу, так и горизонтальная, в отношении соседних обществ, была наиболее характерным фактором» (41, с. 14). При этом развитие исключительности шло по двум траекториям. В одном случае равенство и независимость (автономия) индивида, ассоциируемые с гражданством греческих полисов, не вышли за пределы границ этих полисов. В другом – иерархическая градация прав и обязанностей (римский вариант) создавала гораздо более благоприятные возможности для инкорпорации все новых соседних обществ.

Одной из широко признанных особенностей греческой цивилизации является приоритет политической сферы, который понимается как проникновение политики в другие области общественной жизни. Разумеется, нет оснований считать, что никакой специфической политической сферы не существовало до греческого «ренессанса» VIII–VI вв. до н.э. Политическая сфера, как отмечает Й.П. Арнасон, представлена там, где «четко выраженная власть, т.е. установление правил неким центром, участвует в институционализации человеческих обществ, и эта категория, следовательно, древнее, чем исторические цивилизации. Политика же представляет собой такую совокупность действий и институтов, когда альтернативные возможности упорядочения социальной жизни становятся очевидными, что и приводит к возникновению более или менее открытого конфликта. Возникновение политики изменило характер политической сферы, и это было наиболее важной инновацией греческого полиса» (5, с. 36). Полис, его «конституция» и ценности, жизнь его граждан были политизированы до такой степени, которая, вероятно, никогда более не была достигнута в истории человечества. «Политическое животное» (*zōion politikon*), каковым по природе был человек, согласно Аристотелю (*Pol.*, 1253 a1 ff.), в полисе стал полностью политизированным существом. И в этом плане афинская демократия представляет собой кульминацию развития данной тенденции. «Политическое» (политическая сфера), хотя и не идентично демократии, в значительной степени развива-

лось параллельно с ней, как часть афинского образа жизни (5, с. 27; 61, с. 323–324).

В целом полисный путь формирования государства предполагал минимизацию дистанции между государством и обществом (общиной граждан), если не полную их интеграцию и создание специфической «политической общины» (общины-государства). Вместе с тем социально-экономические процессы влияли на распределение богатства и власти таким образом, который дестабилизировал внутренний порядок и часто приводил к гражданскому конфликту. Конфликт, в свою очередь, способствовал трансформации политической сферы. При этом, однако, демократия отнюдь не являлась логическим результатом присущего полису как такому пути развития. Результатом мог быть целый спектр политических форм. Демократия в разных вариантах была одной из них наряду с тиранией и олигархиями разного типа. Впрочем, архаическая греческая тирания являлась скорее лишь временным отклонением на пути к более инклюзивным формам полиса (5, с. 32, 43).

Таким образом, далеко не очевидно, что полис, только появившийся из турбулентности «темных веков», должен был в конечном итоге непременно прийти к демократии. Однако возникновение последней было обусловлено именно данной формой государства, которая развивалась в греческом мире между 800 и 500 гг. до н.э. (45, с. 7). Соответственно, рассматривать афинскую демократию, как подчеркивает К. Раафлауб, необходимо в контексте греческого полиса и его эволюции (61, с. 323).

POLIS КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩИНА (ЭГАЛИТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ)

Архаический период греческой истории (VIII–VI вв. до н.э.), который иногда и, наверное, справедливо называют «греческим ренессансом» (12, с. 17), все более признается исследователями как в высшей степени креативная фаза развития, отмеченная комбинацией межцивилизационных взаимодействий и цивилизационной экспансией. С VIII в. до н.э. на фоне бурного демографического роста, фиксируемого по археологическим материалам, восстановления торговых и культурных связей с Ближним Востоком, повы-

шения уровня благосостояния населения, распространения письменности и расцвета эпической поэзии начинается процесс политической консолидации (12, с. 17–18; 49, с. 62). Фундаментальной чертой вновь формирующегося (после краха микенского порядка и последовавшего за ним цивилизационного разрыва) греческого мира стала исключительная множественность возникающих центров. К концу V в. до н.э. их общее количество превышало 800 (45, с. 8). Таким образом, полис может рассматриваться как определяющий цивилизационный феномен (5, с. 24).

В современной науке преобладающими являются два определения полиса: как «гражданской (политической) общины» и как «города-государства» или «государства-города». Те, кто придерживается первого варианта (К. Раафлауб), подчеркивают обычно тот факт, что конституирует полис как полис необязательно наличие города. Центральные поселения большинства poleis не были «подлинными городами», а часть poleis вообще не имела таких центров, тогда как наличие общины граждан всегда было непременным условием существования полиса (59, с. 44).

Впрочем, некоторые исследователи (М. Берент) отстаивают идею о том, что полис вообще был «безгосударственным обществом» (a stateless society), поскольку ряд существенных признаков государства (правительство как нечто отдельное от гражданской общины, постоянная армия и т.д.) в нем либо отсутствовал, либо имел меньшее, по сравнению с современным государством, значение (6). С точки зрения других, полис был, скорее, своеобразным «сплавом государства и общества» (a fusion of state and society) в силу отсутствия границы между частной и публичной сферами, глубокого слияния государства и общества (56, с. 10; 5, с. 43).

По мнению М.Г. Хансена, длительное время являвшегося руководителем Копенгагенского центра по изучению полиса и организатора почти всех симпозиумов по данной проблеме, возражения противников определения полиса как города-государства основаны на слишком упрощенной интерпретации как античной концепции полиса, так и современной концепции государства. Чаще всего они являются результатом неадекватного методологического подхода, основанного на асимметричном сравнении конкретной социально-политической структуры и, по сути, абстрактной теоретической модели. Необходимо, пишет датский исследователь, четко разграничивать политическую концепцию и соответствующий исторический феномен, идеологию и реальность. Любое сопоставление должно быть либо между государст-

вом и полисом, либо между концепцией государства и концепцией полиса. М.Г. Хансен справедливо отмечает то обстоятельство, что урбанизация и формирование государства развивались в тесной взаимосвязи на протяжении всего архаического периода, одновременно с демографическим, экономическим и культурным подъемом греческого мира. И в классическую эпоху типичный полис как государство (в территориальном смысле) состоял из одного городского центра (polis в урбанистическом значении, или asty) и подчиненной ему сельской округи (chora в значении «страна») (27, с. 146; 31, с. 55). В политическом смысле государством была община или сообщество граждан (koinonia ton politon), которая в качестве правящей корпорации, объединявшей только взрослых мужчин местного происхождения, противостояла остальному населению. Следовательно, участие, или членство, в полисе должно рассматриваться как исключительное право граждан (politai) на отстранение от такого участия неграждан (главным образом, иностранцев и рабов), часто ассоциируемых с hoi en te polei или hoi enoikountes – теми, кто проживает в полисе, не являясь его членами (30, с. 58–61). Таким образом, заключает М.Г. Хансен, как экономическая и социальная общность классический греческий полис был типом города, но как политическое сообщество он был типом государства. Соответственно, традиционный перевод греческого термина polis как «город-государство» или «государство-город» (city-state, Stadt-Staat и т.д.) как раз и подчеркивают эту специфику полиса (30, с. 15).

Центральную роль города и локализованной на его территории общины граждан в концепции полиса демонстрирует уже неоднократно отмечавшаяся в литературе номенклатура греческих государств, почти без исключений представленная в форме этниконов, образованных от названий полисов как городских центров. Поэтому афинское государство, например, всегда фигурирует в источниках как hoi Athenaioi («афиняне») (31, с. 40; 43, с. 6), подчеркивая тот основной факт, что «город» был также «государством» в том смысле, что территория города включала (политически и административно) всю принадлежащую ему сельскую округу. Поэтому, как отмечает М.Г. Хансен, слово astos (производное от asty – термина, призванного подчеркнуть урбанизированный характер поселения) никогда не встречается в источниках в смысле «горожанин», но всегда обозначает граждан и синонимично слову polites (31, с. 10–11). Таким образом, определения полиса как «гражданской общины» и как «города-государства», очевидно, не

противоречат, а скорее дополняют друг друга, подчеркивая два различных, но тесно связанных аспекта данного феномена.

Замкнутость гражданского коллектива полиса и наследственность гражданского статуса приводили к тому, что не только в олигархической Спарте, но даже в демократических Афинах сообщество граждан в целом выступало в роли основной политической элиты, все члены которой были равны постольку, поскольку их положение определялось наличием единственного качества – гражданства, которым не обладал ни один из «аутсайдеров» (54, с. 261). Именно внутри таких узкоограниченных и максимально закрытых гражданских коллективов, как подчеркивает К. Раафлауб, становилась возможной весьма широкая, а в исключительных случаях – тотальная причастность к власти членов этих коллективов, т.е. демократия (63, с. 37).

В письменных источниках самые ранние бесспорные свидетельства о *poleis* как городских центрах и политических сообществах относятся к Фасосу (у Архилоха), Спарте (у Тиртея) и Дреросу на Крите (эпиграфический памятник). Все эти свидетельства принадлежат середине VII в. до н.э. и обозначают, таким образом, *terminus ante quem*, ок. 650 г. до н.э., когда полис уже существует как город-государство (27, с. 147; 28, с. 11–12). В обоих своих значениях *polis* около 250 раз встречается в «Илиаде» и «Одиссее» (45, с. 8). Однако проблема гомеровского полиса остается дискуссионной в силу отсутствия среди ученых единства по вопросу о том, насколько реалистична картина общества, нарисованная Гомером. Ряд исследователей, преимущественно археологов (Дж.Н. Колдстрим, О. Дикинсон), склонны игнорировать сведения эпоса, поскольку, по их мнению, представленное в нем общество не может быть ассоциировано с каким-то конкретным периодом. Единственную надежную основу для исторических реконструкций применительно ко времени «темных веков» (XI–IX вв. до н.э.) и ранней архаики (VIII в. до н.э.) они видят в археологических материалах (12, с. 17–18; 16, с. 12). Другие ученые (К. Раафлауб, М.Г. Хансен, Х. ван Веес), признавая многослойность эпоса, а также ценность археологических данных, тем не менее справедливо отмечают, что адекватная интерпретация последних зачастую невозможна без анализа письменных источников. При этом использование эпических свидетельств вполне правомерно, так как общество, описанное Гомером, с их точки зрения, имеет под собой историческую основу. По мнению М.Г. Хансена, черты ряда эпических *poleis* в целом отражают реальные социальные и политические структуры Греции

геометрического и раннего архаического периодов, хотя архитектурный облик «городов» в поэмах не находит аналогий в археологических материалах Балканской Греции ранее второй половины VII в. до н.э. И даже такие знаменитые центры, как Коринф, Аргос и Афины, в поздний геометрический период представляли собой лишь группы деревень (27, с. 147–148). К. Раафлауб считает, что «Илиада» и «Одиссея» фактически были продуктом полисного в своей основе общества, и представленный в них мир греческих общин изображает преимущественно реалии второй половины VIII или первой половины VII в. до н.э. Таким образом, он был близок по времени жизни самого поэта (или поэтов?) и понятен его аудитории (59, с. 45; 64, с. 24; 61, с. 325; 63, с. 25; 76, с. 146).

Греческий полис формировался как государство на изначально достаточно сильной эгалитарной основе, в условиях относительной слабости элиты, что и сделало возможным в перспективе решение социальных проблем путем установления ограничений для аристократии и переустройства общества в направлении усиления равенства граждан (63, с. 37). Есть серьезные основания полагать, что греческое общество раннего железного века в экономическом плане, судя по археологическим данным, не было сильно дифференцированным (см.: 16, с. 110). И даже в VIII в. до н.э., несмотря на быстрые и массивные изменения, было бы ошибкой переоценивать степень этой дифференциации. Элита типа «больших людей» (*big men*), так называемые *basileis*, возглавлявшие деревни эпохи «темных веков», которая развивалась в «протоаристократию» гомеровского полиса и в конечном счете в аристократию архаического периода, так никогда и не преуспела в установлении жестких классовых барьеров (59, с. 79; 62, с. 53–55). Несмотря на амбиции, высокую самооценку, гордость и все более рафинированный стиль жизни, столь выразительно отраженный в гомеровском эпосе, эта элита *basileis* оставалась сравнительно близка широкой группе свободных крестьян (49, с. 47, 68; 63, с. 23–24).

Возможности народного собрания выразить свое коллективное мнение были еще весьма ограничены. Однако оно являлось в значительной степени формализованным и постоянным институтом гомеровского общества. Важнейшей функцией собрания демоса была легитимация решений и действий общины. При этом вождям (*basileis*) иногда приходилось прилагать определенные ораторские усилия, чтобы убедить собравшихся в правомерности своих намерений. Разумеется, еще не было ни формального голосования и, соответственно, подсчета голосов, ни формального обя-

зательства уважать мнение народа. Тем не менее некоторые сцены в поэмах позволяют считать, что в интересах вождей было учитывать настроение собрания. Таким образом, признавалось, что demos имеет законный интерес в политических делах и должен быть, по крайней мере, информирован о них и, если возможно, убежден в оправданности предлагаемых действий (64, с. 29; 61, с. 325; 45, с. 9).

В целом, как отмечает К. Раафлауб, сопоставление дефиниции «типичного полиса», определяемого преимущественно как *koionia ton politon* («сообщество граждан») с обществами, описанными в наиболее ранних литературных памятниках архаической эпохи, дает очевидный результат: обе гомеровские поэмы отражают форму полиса, которая является очень ранней, но определенно более развитой, чем обычно считается. Хотя равенство еще не формализовано, не подкреплено законом или идеологией, базовые формы эгалитаризма находят основание в относительной слабости аристократической власти, в отсутствие жесткой социальной иерархии. Несмотря на аристократическую предвзятость, Гомер уже фиксирует внимание на тех фундаментальных институтах, социальных практиках и формах ментальности, которые позднее будут формировать ядро греческой демократии (64, с. 32; 61, с. 326). И с этой точки зрения, как полагает О. Мюррей, нет оснований противопоставлять свидетельства Гомера сведениям, содержащимся в поэме Гесиода «Труды и дни», хотя последние, несомненно, более аутентичны. Оба поэта описывают в принципе одно и то же общество, но разные его аспекты и с разных позиций (49, с. 35–37).

Крестьянин-поэт Гесиод был почти современником Гомера. Он позиционирует себя как «идеальный тип» земледельца, совокупность атрибутов которого может рассматриваться как часть «идеологии середины», позднее ставшей особенно характерной для *mesoi politai*, «средних граждан», классической демократии Афин. Отчасти именно они привнесли в политику то, что можно назвать «преддемократической культурой», т.е. формы ментальности, сформировавшиеся в родственных и соседских группах, культурных и прочих ассоциациях, внутри которых отношения основывались на равенстве их членов (64, с. 32–33, 45). Его «Труды и дни» – поэма протеста против алчности, произвола и несправедливости аристократии. Впрочем, Гесиод не призывает к равенству с элитой, он лишь настаивает на том, чтобы ее власть была справедливой и честной. В определенном смысле его поэма является четко артикулированным политическим посланием с изложением тех

главных принципов, на основе которых должны строиться взаимоотношения и система управления в политической общине. Фактически, как отмечает Т. Митчелл, Гесиод был первым из греков, кто установил ясную этическую основу полиса как сообщества граждан, все аспекты жизни которого должны управляться справедливостью (*dike*). У него также была вполне оформленная концепция того, что означает справедливость, которую он представлял как внутренне присущее человеку качество, отличающее его от животных, среди которых действует право сильного. Справедливость (*dike*), а также чувство стыда (*aidos*), которое заставляет избегать плохих поступков, – главные силы социального порядка у Гесиода, от которых зависят стабильность, процветание и выживание политических ассоциаций. Эти идеи в дальнейшем оставались в центре греческой политической мысли (45, с. 10–12).

Идея справедливости стала особенно актуальной к началу VII в. до н.э. в связи с теми экономическими, социальными и культурными переменами в греческом обществе, которые были вызваны колониационным движением и тесно связанным с ним развитием внешней торговли на дальние расстояния. Торговые предприятия, часто соединявшиеся с пиратством, как правило, были делом *agistoi* («лучших»), которые только и обладали необходимыми возможностями для организации морских экспедиций. Именно появление не связанного никакими традиционными нормами богатства, по мнению Д. Тэнди, имело решающее значение для трансформации ранжированного общества «темных веков» в полис. Прежде всего, оно вызвало распад редиистрибутивной системы, которая ко времени Гесиода уже, по-видимому, перестает функционировать. Эта фундаментальная переменная, полагает он, является одним из важнейших симптомов перехода к «ограниченной рыночной системе», которая генерировала такие неизбежные последствия, как частная собственность, отчуждение земли и новый тип долгов, приводящий к исключению должников из политической жизни вследствие утраты ими земельных участков, а часто и личной свободы (73, с. 125, 134).

В результате, как отмечает Д. Тэнди, становление полиса оказалось тесно связано с социальной напряженностью и борьбой, ставшей результатом этого глубокого экономического сдвига. Полис, пишет он, возник именно тогда, когда институционализированное и повысившее свой статус в силу концентрации материальных ценностей политическое и экономическое ядро общины (*basileis, aristoi*) предприняло попытку физически и этически ис-

ключить периферийных ее членов, мелких землевладельцев, подданных Гесиоду, из магистрального экономического и политического потока. «Инструментами исключения», с помощью которых элита укрепляла внутреннюю солидарность и стремилась отделить себя как класс от остального населения, являлись такие институты, как культ героев и погребальный ритуал воинов, престижные пиры и участие в советах, наконец, публичный дарообмен, служивший средством укрепления отношений между представителями аристократии внутри общины и на межобщинном уровне. Но еще более важное значение в этом плане, с точки зрения Д. Тэнди, имела эпическая поэзия, призванная подчеркнуть сходство новой элиты формирующихся полисов с легендарными героями отдаленного прошлого; перенося героические образы и авторитет последних в социально-бытовые и культурные реалии собственного существования, она обосновывала тем самым свою исключительность, особые права и привилегии (73, с. 190–193).

Однако следствием общего экономического подъема был не только рост богатства и могущества наследственной аристократии, но, как считают некоторые исследователи, также и формирование «среднего класса», так называемых *mesoi*, основу которого составляли зажиточные мелкие землевладельцы, а также состоятельные ремесленники, торговцы, владельцы кораблей, зарабатывавшие капиталы на международной торговле (45, с. 13). Реальность существования такого «класса», возможно, подтверждают материалы раскопок афинских некрополей, в составе которых четко выделяются две группы погребений. Используя терминологию ранних греческих поэтов, Й. Моррис соотнес одну из них с захоронениями так называемых *agathoi* («хороших»), которые удостоивались формального погребального ритуала, а другую – с захоронениями *kakoi* («плохих»), лишенных такой привилегии. Количественное соотношение погребений той и другой категории показывает, что на всех этапах, от протогеометрического периода (1050–900 гг. до н.э.) до конца эпохи архаики, *agathoi* составляли весьма значительную группу населения, численность которой варьировала в пределах от 25 до 50% от общего числа взрослых мужчин. При этом ее расширение фиксируется на протяжении VI в. до н.э. Таким образом, отмечает исследователь, *agathoi* составляли гораздо более обширный слой общества, чем небольшая группа знати, подобная *basileis* у Гесиода или *eupatridai* в архаической Аттике. Категория «хороших», очевидно, включала преимущественно свободных состоятельных земледельцев, глав домохозяйств

(ойкосов). Однако они не были членами правящей элиты, представители которой, судя по письменным источникам архаического периода, с презрением смотрели на мелких землевладельцев, даже несмотря на то что они, как тот же Гесиод, имели собственных зависимых лиц и некоторый уровень богатства (47, с. 94).

Вместе с тем в период между 750 и 500 гг. до н.э. целый ряд взаимосвязанных факторов способствовал консолидации полиса, революционным изменениям в его структуре и взглядах на то, как он должен быть устроен. Благополучие, приобретенное благодаря свободному предпринимательству и частной инициативе, поощряло развитие духа независимости и индивидуализма. Результатом стала начавшаяся в конце VII в. до н.э. культурная и интеллектуальная революция, которая открыла эру рационализма и интеллектуальной свободы и явилась важным фактором политических трансформаций. Это, как отмечает Т. Митчелл, было рождение нового способа познания – рационального мышления, которое позднее, во времена Сократа и Платона, получило название философии (45, с. 14).

Неудивительно, что в условиях этих экономических, социальных, культурных и психологических сдвигов старый общественный порядок стал казаться несправедливым и неприемлемым, что в конечном итоге вылилось в требования социальных и политических перемен. Первоначально, однако, в центре этих требований были не вопросы власти и ее распределения, но самые базовые вопросы прав личности. Акцент на справедливости находил практическое выражение в требованиях положить конец произвольной интерпретации и применению правовых норм, а также в том, чтобы принципы справедливости были определены и зафиксированы письменно в своде законов. И если Гесиод был первым, кто обратился к теме справедливости как основы общества, то столетие спустя Солон использовал ее как инструмент борьбы с деструктивными антисоциальными силами и как инструмент политической реформы (45, с. 15, 35).

**СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС,
«ГОПЛИТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
И «ГОПЛИТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ»
(ОТ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ К ИДЕЕ РАВЕНСТВА)**

Аристотель, один из ведущих теоретиков полиса среди античных мыслителей, утверждал, что форма политического строя в греческих государствах обычно была обусловлена характером главной военной силы этих государств. Соответственно, господство аристократии в Греции в период ранней архаики он объяснял преобладанием на полях сражений конницы. Однако в дальнейшем рост значения тяжеловооруженной пехоты повлек за собой участие в государственном управлении большего числа граждан и установление первичной формы демократии (или «политии», по терминологии самого Аристотеля) (Pol., 1297 b).

Первостепенная роль военного фактора в этом процессе в значительной степени определялась тем контекстом, в котором происходило формирование и развитие в Греции полисной системы. Для полиса, согласно Платону, война, притом бесконечная, с каждым другим полисом была естественным состоянием, и все его институты были приспособлены к потребностям войны (Leg., 626 a-b). Ярко выраженный милитаризированный характер полиса проявлялся в неразграниченности в нем «гражданской» и «военной» сфер (35, с. 115), в совпадении, более или менее полном, его политической и военной организаций, коллектива земельных собственников, народного собрания и (в идеале) ополчения тяжеловооруженных граждан-гоплитов (33, с. 38–39).

Вслед за Аристотелем многие современные историки связывают процесс демократизации в Греции с радикальным переворотом в военном деле в VII–VI вв. до н.э., который в науке получил название «гоплитская революция» (или, как вариант, «гоплитская реформа»). Согласно этой весьма популярной теории, в ранней Греции преобладала «героическая» (гомеровская) модель вооруженной борьбы. Исход сражения решался аристократической военной элитой – *basileis* и их ближайшими соратниками (*hetairoi*), тогда как масса рядовых воинов играла второстепенную, вспомогательную роль. Начиная примерно с 750 г. до н.э. элементы будущей гоплитской панопли соединяются в единый комплекс, и около 650 г. до н.э. вооружение, боевой порядок и тактика фаланги гоплитов полностью сформировались (10, с. 19–20; 38, с. 41, 67;

49, с. 130; 69, с. 110–112; 76, с. 141). Главным катализатором этих изменений, как считается, стал рост численности и благосостояния «среднего класса», основную массу которого составляли мелкие свободные землевладельцы, достаточно состоятельные, чтобы приобрести за свой счет полный комплект вооружения (45, с. 13). Создание фаланги гоплитов привело к тому, что прежняя военная элита утратила монополию в военной сфере и была вынуждена разделить не только свои традиционные военные обязанности, но и в конечном счете политическую власть с более широкими слоями демоса, и это положило начало формированию более эгалитарных политических систем (62, с. 49; 52, с. 8–9; 49, с. 124–125).

Теория «гоплитской революции», таким образом, предполагает, что перемены в военном деле, начавшиеся почти сразу после Гомера, вызвали глубокие изменения и в политической сфере. Однако, как отмечает К. Раафлауб, новые исследования гомеровских описаний сражений показали, что, несмотря на поэтически оправданный и драматически эффектный (но далекий от действительности) акцент на деяниях героических индивидов, обусловленный элитарной идеологией эпической поэмы, массовый бой в плотных боевых порядках на самом деле имеет в ней решающее значение. И хотя основные технологические и тактические перемены действительно произошли после Гомера, поэту уже явно знакомы главный принцип действия и преимущество фаланги: плотное построение и сдерживание проявлений индивидуального героизма значительно сокращают потери и повышают шансы на успех (62, с. 51; 61, с. 325; 64, с. 27).

Уже с середины VIII в. до н.э. в результате бурного роста населения формирующиеся полисы начинают испытывать нехватку земли. В этих условиях борьба за ресурсную базу приобретает все большее значение. Соответственно, меняется и характер войны. На смену сухопутным и морским грабительским рейдам небольших отрядов приходят войны за территорию между полисными армиями, включающими всех способных приобрести необходимое вооружение, а массовые сражения тесно сплоченных боевых порядков, сходных с фалангой, становятся вполне обычным явлением. Неудивительно, пишет К. Раафлауб, что эпический поэт отразил новую военную практику в своих описаниях. В дальнейшем поиск путей повышения эффективности гражданских ополчений вызвал технологические, тактические и организационные инновации, которые произвели в конце концов, к середине VII в. до н.э., настоящую фалангу гоплитов (62, с. 52–53).

К еще более раннему времени, к VIII в. до н.э., относит возникновение фаланги Х. Боуден. Он связывает ее возникновение с потребностями формирующихся полисов зафиксировать свои границы там, где они соприкасались на равнинах, и это, с его точки зрения, объясняет тот парадоксальный факт, что в гористой Греции сложилась модель боевого порядка, пригодная только для ровной местности. Фаланга, т.е. линия стоящих плечом к плечу граждан-воинов, являлась зримой фиксацией границы полиса, материальным воплощением единства его граждан, сплоченных решимостью эту границу защищать. Именно поэтому она не только с самого начала являлась базовой чертой полиса, но фактически была идентична полису, и только в контексте полиса гоплитская тактика имела смысл. Но тогда, заключает Х. Боуден, «возникает вопрос: были ли “темные века” действительно временем господства аристократии?» (7, с. 48–49; 61).

Следует, однако, заметить, что Х. ван Веес, детально исследовав описания батальных сцен в «Илиаде» и сопоставив их с археологическими материалами и рисунками на керамике геометрического периода (800–700 гг. до н.э.), а также на протокоринфских и протоаттических вазах, датируемых временем от 690 до 630-х годов до н.э., аргументированно доказал отсутствие боевого порядка типа фаланги в гомеровскую эпоху. Более того, сама эпическая картина боя в «героическом стиле», вопреки мнению многих историков, в целом логична и отражает реалии войны конкретного исторического периода – первой половины VII в. до н.э. Но это обстоятельство, как отмечает исследователь, не дает оснований сомневаться в решающей роли массового боя пехоты в данный период и тем более позднее, когда после 650 г. до н.э. начинается развитие собственно фаланговой тактики (76, с. 14, 139–141).

Этот вывод, с точки зрения К. Раафлауба, заставляет внести серьезные коррективы в традиционные взгляды на характер «гомеровского общества» и эволюцию полиса. Даже если настоящей (классической) фаланги еще не существовало, *dēmos*, несомненно, был доминирующей частью предгоплитской пехотной армии и формирующегося полиса. Поэтому тот факт, что у Гомера народное собрание предстает как малозначимый институт в силу своей пассивности и безвластности, плохо согласуется с вооруженностью гражданского коллектива. Оценка демоса Одиссеем (II., 2, 200–202) как бесполезного на войне и в совете, по мнению исследователя, отражает не столько реальность, сколько идеологию

элиты, ее стремление увеличить пока еще не столь большую дистанцию между собой и массами (62, с. 53–55).

Во второй половине VII – VI в. до н.э. характерной особенностью ситуации, по крайней мере в наиболее крупных полисах греческого мира, стала внутренняя напряженность, вызванная борьбой между аристократическими фамилиями или их группировками и между демосом и элитой. Участие рядовых членов общины в полисном ополчении само по себе не могло помешать тенденции к росту экономической и социальной дифференциации. Соответственно, формирование относительно эгалитарных систем, вероятно, ставшее общим явлением к концу архаического периода, в большинстве полисов не было непосредственно связано с созданием гоэлитской фаланги. Решающим фактором их развития в этом направлении, с точки зрения К. Раафлауба, стал социальный кризис, вызванный злоупотреблениями властью со стороны элиты, что нередко ставило под угрозу само существование полиса. Преодоление кризиса достигалось путем введения писаного права и назначения посредников (эсимнетов) и законодателей (номофетов) с экстраординарными полномочиями, деятельность которых во многих случаях не ограничивалась составлением свода законов, но имела целью написание «конституции» (politeia). При этом средством стабилизации полиса являлось повышение политического статуса земледельцев, их «интеграция в полис». Однако их интеграция не была – или, по крайней мере напрямую, не была – функцией гоэлитской фаланги. Она стала следствием интеграции самого полиса, явившейся результатом коллективной воли всей совокупности граждан – определенно под руководством аристократии, но не только в ее интересах, а в интересах всего сообщества, базовым принципом существования которого теперь становилась *isonomia*, «равенство перед законом», «равноправие» (62, с. 57; 61, с. 323).

Таким образом, пишет К. Раафлауб, концепция «гоэлитской революции», которая якобы подорвала господство аристократии, является современной и не вполне удачной конструкцией. Возникновение фаланги, становление полиса и формирование полисной аристократии были параллельными и взаимосвязанными процессами (62, с. 57). По мнению Х. ван Веса, переход от «героического» к «гоэлитскому» стилю сражения, скорее всего, был следствием, а не причиной политических перемен. Создание фаланги если и сыграло какую-то роль в устранении господства архаической аристократии, то, возможно, лишь в плане дальнейшего подрыва уже слабеющей легитимности ее власти (76, с. 147–148).

Тем не менее вряд ли можно отрицать тот факт, что формирование гопплитской системы не только отражало ряд важных изменений в социальных отношениях и идеологических установках, но и стимулировало их (45, с. 13). Фаланговый способ боя был изначально по самой своей природе «коммунитарным, коллективным и эгалитарным». Фаланга нивелировала в своих рядах различия между представителями демоса и элиты, которые теперь сражались в общем строю, были одинаково вооружены и связаны общей дисциплиной. Все воины, независимо от статуса и класса, получили шанс быть признанными лучшими (*aristoi*). Таким образом, отмечает К. Раафлауб, доблесть воина (*aretē*) была «коммунализирована». В этом плане вряд ли случайным совпадением может быть синхронность возникновения эгалитарной по сути гопплитской тактики и Олимпийских игр: чтобы компенсировать утрату возможности обрести славу в одиночном бою, аристократы обращаются теперь к соперничеству в спортивной сфере (64, с. 36).

Война гопплитского типа была войной общинной, коллективной еще и потому, что полис устанавливал и регулировал структуру гопплитской армии, и введение новой организации гражданского коллектива всегда напрямую было связано с военными реформами, направленными на создание такой армии (61, с. 327). В этом плане особенно примечателен феномен возникновения спартанской «общины равных». Кризис середины VII в. до н.э., вызванный восстанием мессенских илотов, запустил процесс, в ходе которого Спарта трансформировалась в милитаризованное общество. Реформы, предпринятые для преодоления кризиса, по существу, явились формальной институционализацией гопплитской армии, а эгалитарная идеология последней выразилась в определении спартиатами самих себя как «равных» (*homoioi*). Экономический статус рядовых граждан был повышен до уровня, обеспечивающего принадлежность к «гопплитскому классу». В результате равенство, как отмечает Т. Митчелл, стало наиболее значимой чертой спартанской системы, которая достигла экстраординарных рубежей в продвижении концепции гражданского коллектива как «общины равных» (45, с. 38). И в этом отношении, как и во многих других, архаическая Спарта была менее «аномальной», чем считалось на протяжении длительного времени (64, с. 37).

Политически новая конституция, «Большая ретра», передала право принимать окончательное решение народному собранию, которое в определенном смысле стало сувереном. Власть теперь была формально закреплена за сообществом владеющих земель

граждан-воинов. Примечательно, что в Ретре уже присутствует комбинация терминов *dēmos* и *kratos*, хотя еще и не соединенных в едином понятии. Однако в силу ряда ограничений, связанных с полномочиями царей и совета старейшин (герусии), функции народного собрания не могут служить критерием наличия демократии в Спарте в VII в. до н.э., отмечает К. Раафлауб (61, с. 328). Несмотря на очень значительный эгалитарный потенциал спартанской системы, «демократические» элементы, появившиеся на столь раннем этапе, не получили дальнейшего развития. Коллективно, за счет рабства илотов, спартиаты обладали свободой, привилегиями и ценностями, которые, как правило, ассоциировались в Греции с аристократией. Однако нет оснований говорить об их индивидуальной свободе, характерной для граждан классических демократий. Дисциплина, свойственная армии, определяла все аспекты общественной и даже частной жизни, превратив Спарту в своего рода военный лагерь на территории противника и сделав повиновение одной из главных добродетелей граждан (64, с. 41).

Форму государства, возникшую в Спарте в результате реформ, античные теоретики классифицировали как «смешанную конституцию», представляющую собой соединение элементов монархии, аристократии и демократии. Во многом сходными чертами обладали и ранние (умеренные) демократии, в которых объем политических прав гражданина также зависел от его военного статуса, а тот, в свою очередь, определялся уровнем его материального благосостояния. Таким образом, цензовый принцип структурирования гражданского коллектива выступал в качестве специфической черты раннедемократического полиса (52, с. 8–9; 38, с. 41, 67; 70, с. 33; 45, с. 13).

Впрочем, сведения о таких архаических «демократиях», как правило, весьма неоднозначны, и исследователи обычно предпочитают называть такие режимы «пред- или протодемократиями» (64, с. 43). Сам Аристотель отмечал, что те формы правления, которые сейчас (т.е. в его время) называются «политиями» (*politeiai*) и которые соединяют черты, свойственные как олигархиям, так и демократиям, прежде, в более ранние времена, назывались «демократиями» (Pol. 1297 b 22–28). В качестве варианта такой смешанной формы он рассматривал и «конституцию» Солона, которая заменила в Афинах чистую олигархию (45, с. 36).

В отличие от Спарты, война, судя по имеющимся весьма скудным источникам, определенно никогда не была важным фактором интеграции в ранней афинской истории. В легендарной тра-

диции начало Афинского полиса связывается с так называемым «синойкизмом» (*synoikismos*, букв. «сселение» или «поселение вместе»), который в ряде случаев действительно обозначал переселение обитателей нескольких первичных поселений («протополисов») или деревень (*dēmoi*, *komai*) в одно уже существующее либо специально созданное общее поселение. Однако очень часто такие общины оставались на прежних местах, а синойкизм выражался в том, что среди первичных поселений одно, выделяющееся своей особой значимостью, признавалось их общим центром, местом сосредоточения всех политических, военных и религиозных институтов. Такая модель синойкизма имела место в Аттике, на территории которой по археологическим материалам прослеживается громадная концентрация населения именно в районе Афин уже в раннегеометрический период (900–850 гг. до н.э.) (12, с. 51).

В VII в. до н.э. децентрализованная социальная мозаика множества деревень периода «темных веков» постепенно нивелируется, возможно, благодаря консолидации местных династов в «правлящий класс» аристократов, называвших себя *eupatridai*, и концентрации его в Афинах (43, с. 72; 52, с. 56). Материалы раскопок афинских погребений этого времени демонстрируют развитие заметной социальной дифференциации. Найденные в одном из них на территории будущей Агоры лошадиные удила и меч, по мнению некоторых исследователей, являются отражением в погребальном обряде факта существования «класса» всадников (13, с. 41).

Как и в Спарте, реформы Солона в Афинах были проведены с целью преодоления глубокого внутреннего кризиса. К концу VII в. до н.э. аттическое общество было гораздо более поляризованным и иерархическим, чем «мир Одиссея» столетием ранее. При отсутствии внешней военной угрозы региональные интересы, соперничество за богатство и власть, судебный произвол и насилие могущественных фамилий приобрели разрушительный характер. И если в поэме Гомера массы еще играли важную роль в собрании и на войне, то под властью эвпатридов аттический демос вплотную подошел к утрате своей традиционной доли *timē* («чести»). Кризис, как отмечает Р. Уоллес, был в первую очередь социально-экономическим, а главной его причиной являлась тотальная задолженность населения. В результате значительная часть аттических крестьян в качестве *hektēmoroi* («шестидольников») и *relatai* (наемных батраков?) оказалась в полной зависимости от богатых землевладельцев. Многие из афинян были обращены в рабов за долги и проданы за границу. Впрочем, судя по свидетельству

самого Солона, многие из обитателей Аттики, не принадлежавшие к категории эпатридов, достигали значительного уровня благосостояния, но конвертировать его в политический статус не могли (74, с. 50–51).

В этой ситуации две основные «фракции» противостояли друг другу: богатые и могущественные, с одной стороны, и демос – с другой. И когда в 594 г. до н.э. Солон был избран архонтом с чрезвычайными полномочиями, напряженность в Афинах, по видимому, достигла крайних пределов. Если верить самому Солону, то несправедливые деяния, надменность и жадность «вождей народа» (*hegemones tou demou*) привела полис к краю пропасти. В конечном счете обе стороны остались неудовлетворены мерами Солона, в особенности те из «партии» демоса, которые надеялись на передел земли в пользу бедных и установление равенства земельных наделов (*isomoiia*). Однако, как подчеркивает К. Раафлауб, предпринятые им радикальные меры в виде одномоментной отмены всех долгов на самом деле означали совершенно беспрецедентное вмешательство государства в социально-экономические отношения (59, с. 71; 61, с. 331).

Впрочем, и сам реформатор главным своим достижением считал *seisachtheia* («стряхивание бремени»), означавшую освобождение земли от залоговых обязательств и запрет ссуд под залог личности должника или членов его семьи, что было равнозначно отмене долгового рабства. Тем самым была гарантирована личная свобода каждого афинского гражданина. Вероятно, за счет общественных средств были выкуплены афиняне, проданные прежде в рабство за границу. С этого времени основой афинского общества стал широкий класс независимых средних и мелких землевладельцев (79, с. 95; 74, с. 59; 59, с. 73). Именно этот класс в конце VI в. до н.э. образовал социальную базу клисфеновской демократии (43, с. 131; 79, с. 95).

Другим важным достижением Солона были его законы (*thesmoi*), одинаковые, по его словам, как для «плохих» (*kakoi*), так и для «хороших» (*agathoi*). Большим шагом в сторону *isonomia* явилось также создание народного суда (*heliaia*), который рассматривал апелляции на судебные решения архонтов и имел право отменять их вердикты. А поскольку в деятельности гелизии могли принимать участие все граждане независимо от их имущественного и социального статуса, то высшая судебная власть фактически оказалась в руках демоса (74, с. 60). Не случайно Аристотель, оценивая законодательство Солона, считал, что тот установил демо-

кратию (независимо от своих действительных намерений) тем самым, что создал суд из всего состава граждан (Pol., 1274 а).

Однако наиболее известной реформой Солона в политической сфере является разделение гражданского коллектива Афин на имущественные «классы», которые различались по объему производимой на их наделах сельскохозяйственной продукции и по характеру военной службы. О приоритете военных целей солоновской классификации свидетельствует выделение особой категории «всадников» (*hippeis*) и разделение основной массы демоса на две категории: «зевгитов» (*zeugitai*) – достаточно богатых, чтобы приобрести гоплитское вооружение крестьян, и малоземельных и безземельных «фетов» (*thētes*), не способных им обзавестись в силу своей бедности. Наличие вооружения делало зевгитов («средний класс») равными в военном, а следовательно, отчасти и в политическом отношении аристократии и ставило их неизмеримо выше фетов. Ничтожной (или вообще никакой) военной роли последних соответствовала и ограниченность их политических прав (75, с. 143).

Примечательно, пишет К. Раафлауб, что *hippeis*, *zeugitai* и *thētes* «тимократической» системы Солона соответствуют *equites*, *classis* и *infra classem* центуриатной организации, введенной в середине VI в. до н.э., т.е. почти в то же время, царем Сервием Туллием в Риме. Обе цензовые структуры подразделяли граждан на всадников, гоплитов и всех остальных, тех, кто не соответствовал критериям гоплитского статуса и в силу этого оставался практически лишенным политических прав (58, с. 130–131). Фактически, полагает исследователь, эта классификация явилась формальной институционализацией гоплитской системы, но она также стала индикатором замены происхождения богатством в качестве главного критерия степени политического участия. Право занимать политические должности было оставлено за «всадниками» (и, возможно, за отдельным классом *pentakosiomedimnoi*, «500-мерников», хотя создание этого класса Солоном, по мнению К. Раафлауба, выглядит спорным) (61, с. 332).

В последнее время, однако, Х. ван Веес на примере тех же Афин попытался доказать ошибочность традиционного представления о гоплитской фаланге как об относительно однородной в социальном плане военной силе, представлявшей собой главным образом «средний класс», т.е. зевгитов. Исследователь обратил внимание на то, что по размеру богатства зевгиты не слишком уступали «всадникам» (*hippeis*). Вместе с ними, а также с пентакосиомедимнами (высшим разрядом граждан) они, с его точки зре-

ния, принадлежали к категории «богатых» (plousioi), т.е. людей, свободных от необходимости лично трудиться для своего пропитания в отличие от «бедняков» (penetes), которых он идентифицирует с фетами солоновской «конституции». Таким образом, по мнению Х. ван Вееса, зевгиты в некотором смысле являлись частью афинской элиты, «праздного класса» и, следовательно, сравнительно немногочисленной категорией граждан. Соответственно, основную массу гоплитов (вероятно, до двух третей, полагает он) составляли феты, представители «трудящегося класса». Материальное положение значительной их части, с его точки зрения, позволяло приобретать гоплитскую паноплию (75, с. 135–137; 77, с. 52–54). Следовательно, нет оснований говорить о существовании большого по численности «среднего» класса крестьян. Но тогда ограниченность прав основной массы гоплитов-фетов делает весьма проблематичным само понятие «гоплитская демократия» и позволяет оценить политический строй Афин до середины V в. до н.э. как гораздо менее демократический, чем принято считать (77, с. 45).

Следует все же заметить, что случаи привлечения фетов к службе в качестве гоплитов хотя и известны, но они относятся к гораздо более позднему времени, к периоду Пелопоннесской войны 431–404 гг. до н.э., и связаны с особыми обстоятельствами. Кроме того, если зевгиты составляли, по существу, только «верхушку» гоплитов, как доказывает Х. ван Веес, то их выделение в особый «класс» теряет смысл в силу отсутствия у него функциональной (военной) специфики. А ведь именно установление такой специфики, по-видимому, и являлось целью солоновской классификации. Во всех своих аспектах – военном, политическом, социальном – структуры подобного типа соответствовали идеологии, тщательно разработанной с течением времени в политических трактатах античных теоретиков полиса. С их точки зрения, наилучшее государственное устройство должно основываться на цензовом («тимократическом», в греческом варианте, от *timē* – «честь», «почет», «оценка») принципе, обеспечивающем более совершенное и предпочтительное равенство, чем простое «арифметическое» равенство, свойственное крайним демократиям. В отличие от последнего, цензовый тип равенства назывался «геометрическим», или «пропорциональным», поскольку ставил объем прав и обязанностей граждан в прямую зависимость от размера их богатства (см.: 50, с. 51–58).

Созданная Солоном *politeia* представляла собой, по определению Р. Уоллеса, «ранжированную тимократию» (74, с. 60). Должности (*archai*) отныне не замещались эвпатридами путем кооптации из числа эвпатридов, но путем избрания (или предварительного отбора) демосом из числа граждан первых трех классов. С 594 г. до н.э. лица гоплитского статуса получили возможность занимать любую должность, кроме архонтата, который стал им доступен только в 457 г. до н.э. *Archai* давали почет, *timē*, и община всегда ожидала большего от своих более богатых членов, компенсируя их больший вклад в общее дело большим почетом (74, с. 62). Таким образом, как отмечает О. Мюррей, новая структура гражданского коллектива означала замену аристократии происхождения аристократией богатства (аристократией «пятистотмерников») в качестве «высшего класса» (49, с. 194).

Широкая власть *archontes* принципиально отличала политику Солона от полной демократии V в. до н.э., даже при том, что демос (если верить Аристотелю и Исократу) получил право расследовать деятельность должностных лиц после завершения срока их полномочий. Тем не менее эффективность работы, а следовательно, и значение афинского народного собрания должны были усилиться благодаря созданному Солоном пробулевитическому совету 400. Совет (*boule*), по существу, являлся постоянным комитетом экклесии, который готовил повестку дня собрания и проекты постановлений (*proboulemata*), вносившихся на голосование (65, с. 20, 223). И хотя членами совета не могли быть лица ниже класса зевгитов, этот орган власти в Афинах был гораздо более инклюзивным, чем спартанская герусия (74, с. 64; 61, с. 332).

В целом, отмечает Р. Уоллес, понимание степени реальной власти демоса, возможно, является самым сложным аспектом солоновских реформ. Сам законодатель вряд ли оперировал такими понятиями, как «смешанная конституция», «аристократия» или «демократия», которые стали предметом обсуждения и теоретического осмысления главным образом в IV в. до н.э. Исключением, возможно, является довольно широкое понятие *eunomia* («благозакононие», «добрый порядок»). Однако не ясно, насколько оно заключало в себе какое-либо конституционное содержание. Было бы ошибкой рассматривать солоновскую политику в отраженном свете позднейшей афинской демократии. Впрочем, несомненно, что предпринятые Солоном меры были гораздо более широкими, чем простое восстановление традиционных прав демоса, которые в VII в. до н.э. были попраны эвпатридами. Законодатель, как счита-

ет Р. Уоллес, фактически предоставил демосу огромную власть и создал базовые институты афинской демократии, но его *politeia*, разумеется, не была подобна афинской демократии V столетия (74, с. 68–72).

По мнению К. Раафлауба, политика Солона была решительно интегрирующей, основанной на понимании необходимости предоставить демосу долю власти и ответственности без ослабления аристократического лидерства. Он старался тщательно сбалансировать интересы богатых и бедных, элиты и рядовых граждан, а также частные и общественные, индивида и общины, *oikos* и *polis* (61, с. 332). На этом основании некоторые историки оценивают Солона как весьма консервативного реформатора. Так, с точки зрения Дж. Обера, акцент на единстве гражданского коллектива и, следовательно, единстве интересов всех афинян, в действительности выглядит как пример идеологических манипуляций высшего класса с целью заставить массы принять социальный порядок, который легитимизировал правление элиты (54, с. 63–65).

Тем не менее, полагает К. Раафлауб, предпринятые им меры можно назвать революционными, учитывая новое понимание Солонем политических механизмов работы полиса. Оно было сформулировано реформатором в элегии «Эвномия». При этом, в отличие от Гесиода, Солон демонстрирует в ней полностью политический подход. Боги, призываемые Гесиодом как непрменные агенты возмездия, подчеркнута игнорируются Солонем. Поскольку беды общины вызваны самими гражданами и затрагивают весь коллектив, гесиодовская рекомендация избегать полиса и агоры его не устраивает. Напротив, солоновский идеал *eunomia* интегративен: зло, вызванное *dysnomia* («беззаконием»), можно устранить только объединенными усилиями всех граждан в соответствии с их статусом и способностями, разделив между ними ответственность за общее благо (59, с. 73). Основывая свое всестороннее законодательство на четко сформулированных принципах, выведенных не из этико-религиозного, а эмпирически обоснованного политического анализа, Солон, таким образом, положил начало новому этапу в политическом мышлении. Его проницательность и инициатива сыграли решающую роль в создании «гражданского государства» и значительном повышении степени гражданского равенства, даже притом что это равенство оставалось еще далеко не универсальным (61, с. 333).

В целом реформы Солона, эвпатрида по происхождению, отражают тот факт, что полис формировался и интегрировался под

аристократическим руководством: формализация магистратур, совета и даже народного собрания, как и письменная фиксация законов, проводились аристократами и при поддержке аристократов, хотя и под давлением снизу. В значительной степени эти действия, отмечает К. Раафлауб, выдают стремление урегулировать соперничество в собственной среде и тем самым избежать саморазрушения элитарной группы и утраты ею влияния на массу рядовых граждан, но они вместе с тем способствовали стабилизации ранних полисов (59, с. 75).

По мнению Т. Митчелла, как спартанский, так и афинский варианты реформ отражают признание того факта, что их желаемая цель – порядок и внутренняя гармония – могут быть достигнуты лишь в том случае, если уровень политического равенства достаточен, чтобы обеспечить широкую поддержку существующему режиму. Тем не менее ни спартанская, ни афинская модель политики не восприняла принцип полного равенства политических прав всех граждан. Однако, отмечает исследователь, даже частичная реализация этого принципа способствовала развитию коллективистского взгляда на государство как на форму ассоциации, объединенную общими политическими и этическими ценностями, выраженными в законах, и преданную идее достижения общего блага. Подобного рода воззрения впервые обнаруживаются в поэзии спартанского поэта VII в. до н.э. Тиртея, утверждавшего, что общее благо является конечной целью политических действий и должно иметь приоритет над частной выгодой. Фактически те же идеи озвучил позже Солон. Но только в Спарте этот коллективистский этос развился в тоталитарную форму коммунитаризма – установление контроля полиса над всеми сферами жизни и полное подчинение частных интересов целям и требованиям государства (45, с. 37).

Среди факторов, способствовавших развитию эгалитарных тенденций и «власти народа», была, как это ни парадоксально звучит, раннегреческая тирания – автократическое правление одного из аристократических индивидов, который монополизировал власть, отстранив от управления полисом других представителей элиты, своих соперников. При этом многие тираны, по крайней мере изначально, опирались на поддержку демоса, недовольного злоупотреблениями аристократов и их разрушительными для полиса распрями. Установление тирании означало прекращение аристократического соперничества и борьбы за власть, что уже само по себе вело к стабилизации гражданской общины и росту ее бла-

госостояния. Уничтожая или изгоняя своих могущественных политических противников, тиран ослаблял аристократию в целом, разрушал частично или даже полностью те отношения зависимости, которые связывали значительную часть населения с ведущими аристократическими фамилиями. Вместо них лояльность граждан теперь фокусировалась на тиране, а через него – на полисе. Тем самым тирании способствовали усилению сплоченности общины, а также укреплению позиций *mesoi* (59, с. 75; 64, с. 42).

Позитивная роль тирании в интеграции полиса и в конечном счете преобразовании его в более эгалитарном духе особенно хорошо прослеживается на примере Афин. Реформы Солона сняли остроту социального конфликта, но не устранили политическое доминирование аристократии, группировки которой продолжили борьбу за власть и влияние. В результате один из вождей такой группировки, Писистрат, поддержанный демосом, захватил власть. Он сам и его сыновья, Гиппий и Гиппарх, правили в Афинах на протяжении фактически полстолетия (560–510 гг. до н.э. с перерывами). При этом, однако, они не внесли каких-либо изменений в солоновскую «конституцию», выступив, скорее, в роли ее охранителей (54, с. 67; 71, с. 21). Парадокс, как отмечает Ф. Менвилл, состоит в том, что реформы Солона, предпринятые в значительной степени для предотвращения тирании, получили дальнейшее развитие под покровительством тирана, хотя сам полис временно перестал быть самоуправляющейся общиной граждан в чистом виде (43, с. 162). Писистрат и его сыновья, пишет Д. Стоктон, дали Афинам нечто такое, чего не смог дать Солон – стабильное, твердое и эффективное, свободное от воздействия фракционного политиканства централизованное управление, при котором законы Солона могли работать более успешно (71, с. 21). Не случайно в античной традиции Писистрат предстает как властитель, управлявший в соответствии с законами, скорее как гражданин, чем как тиран (43, с. 162–163).

Исследователи отмечают также особое значение правления Писистрата для роста «национального» и гражданского самосознания афинян (см., например: 54, с. 66–67; 43, с. 170–171). Тиран, в частности, пытался ускорить формирование более тесной идеологической идентификации гражданства как целого с Афинским государством. Различными мерами, включая возобновление строительства огромного храма Афины Полии на Акрополе, путем организации общественных празднеств, отправления религиозных культов, монетной чеканкой он символически старался подчерк-

нуть общность происхождения всех афинян. Прямым результатом писистратовской «пропаганды», отмечает Дж. Обер, явилась, как кажется, значительная степень популярности его персональной власти, возможно, сходная с тем, что теперь называется «культом личности». В то же время подчеркнуто антиаристократическая политика тиранов привела к тому, считает исследователь, что в глазах рядовых афинян элита полиса стала выглядеть менее значимой, менее законной в качестве правящей корпорации. Конечным итогом явилось то, что можно назвать «гражданским самосознанием афинского демоса» (54, с. 66–67). И если установление тирании само по себе свидетельствует о том, что демос еще не был способен взять под свой контроль управление государством, то тиранический режим на определенном отрезке времени оказался необходим для унификации полиса и создания потенциала для независимых коллективных действий демоса в дальнейшем. Тирания, таким образом, была важным этапом на пути развития Афинского полиса в направлении демократии (64, с. 43; 61, с. 333).

После свержения в 511/510 г. до н.э. с помощью спартанцев режима тирании в Афинах возобновилась борьба между аристократическими группировками – гетериями (*hetaireiai*). Однако, как показал Ф. Менвилл, это уже была борьба не столько за личную власть, сколько за ту или иную концепцию гражданства (43, с. 172). Вопрос о том, кого следует считать гражданином, оказался, по его мнению, в центре политических разногласий между сторонниками Исагора и сторонниками Клисфена. В связи с этим особую остроту приобрела проблема проверки гражданских списков (*diapsephismos*), проведенная в 510/509 г. до н.э. оказавшейся у власти аристократической фракцией Исагора и направленная против демоса, в массе своей поддерживавшего Писистратидов. Цель проверки заключалась в том, чтобы исключить из числа граждан тех, кто получил афинское гражданство с помощью тиранов. Однако отсутствие четких, централизованно установленных критериев принадлежности к полисной общине делало уязвимым перед лицом *diapsephismos* положение почти любого афинянина и создавало широкие возможности для произвола со стороны влиятельных лиц. Мероприятия подобного рода проводились и в последующую, классическую эпоху, в 445/444 г. (при Перикле) и в 346/345 г. до н.э., но они принципиально отличались от проверки 510/509 г. до н.э. тем, что основывались на строго определенных принципах и процедурах. Однако до Клисфена этих общих правил и процедур не существовало. Поэтому *diapsephismos* 510/509 г. до н.э. не была

обычной ревизией списка граждан, а проявлением установившегося тогда режима террора одной из аристократических клик. Учитывая эту истинную ее суть, отмечает Ф. Менвилл, можно понять популярность клисфеновских реформ (43, с. 183–184). Клисфен завоевал доверие демоса обещанием законодательных инициатив, которые, в случае осуществления, передавали решение относительно гражданского статуса индивида на усмотрение самого народа и расширяли рамки его политического участия (53, с. 87).

Успех Клисфена на заключительном этапе борьбы с Исагором объясняется именно тем, что он обратился за поддержкой к афинскому демосу. По словам Геродота, оценивающего этот факт как новшество, Клисфен принял демос в свою *hetairaia*, т.е. фракцию или группу, связанную узами дружбы, превратившись, таким образом, в его лидера. В результате, как пишет Э. Вуд, он стал – неожиданно? – архитектором демократической конституции и обрел на ослабление тот класс, к которому сам принадлежал (79, с. 101).

Мотивы антиаристократической политики реформатора (как и позднее его внучатого племянника Перикла) Ч. Форнара и Л. Самонс видят в специфике истории знатного афинского рода Алкмеонидов, к которому принадлежал Клисфен (а по материнской линии – и Перикл). Двойственное отношение к Алкмеонидам в архаических Афинах, получившее отражение в античной традиции, с точки зрения исследователей, объясняется несоразмерностью их политических притязаний с реальным положением в афинском обществе. Алкмеониды претендовали на происхождение от царского дома пилосских Нелеидов, однако эта версия слабо обоснована. В отличие от других знаменитых аристократических фамилий, не прослеживается связей Алкмеонидов ни с одним из локальных аттических культов, который обычно устанавливал мифический или реальный предок знатного рода. Но несмотря на то что эта фамилия, скорее всего, относительно поздно включилась в афинскую династичную политику, она довольно быстро приобрела необычайное могущество. Свою изоляцию в аристократической среде, вследствие тяготевшего над фамилией обвинения в святотатстве, она компенсировала ранними и тесными связями с авторитетным общегреческим святилищем Аполлона в Дельфах. Примечательно также, что Клисфен фигурирует в списке архонтов в качестве архонта-эпонима Афин за 525/524 г. до н.э., что указывает на сотрудничество Алкмеонидов с Писистратидами. Таким об-

разом, как полагают Ч. Форнара и Л. Самонс, демократическая реформа Клисфена не без оснований может рассматриваться как отражение его вражды с афинской знатью, а также косвенно подтверждает свидетельства о его прежних связях с тираническим режимом (19, с. 16–21, 148–149).

По мнению Дж. Обера, было бы ошибкой акцентировать внутриэлитный характер данного конфликта и рассматривать институционализацию демократических основ как изобретение (то ли из альтруистских побуждений, то ли из неких личных целей) элитарных индивидов, т.е. в данном случае – Клисфена. Главным фактором в событиях 508/507 г. до н.э., с его точки зрения, явилось революционное восстание народа, которое произошло без какого-либо руководства в традиционном смысле. Оно явилось ответом на попытку сторонников Исагора с помощью иностранной интервенции (отряда спартанцев во главе с царем Клеоменом) свергнуть существующее афинское правительство. В качестве импровизированного решения, и скорее всего от безвыходности, Клисфен «включил» демос в свою группу «товарищей». Следовательно, полагает Дж. Обер, не Клисфен, вся предшествующая политическая карьера которого не демонстрирует наличие каких-либо глубоких идеологических («протодемократических») предпочтений, но афинский демос оказался подлинным протагонистом реформ. Клисфен, разумеется, тоже сыграл важную роль, но не он был главным их инициатором (53, с. 86).

В целом события 508/507 г. до н.э. американский исследователь рассматривает как подлинный перелом в афинской политической истории, поскольку они отмечают тот момент, когда демос впервые вступил на историческую сцену как независимый коллективный субъект, самостоятельно действующий в собственных интересах. Таким образом, афинская демократия не была «продуктом конституционного учредительства». Она явилась результатом практических революционных действий масс как нечто прагматическое и экспериментальное, а в дальнейшем – корректируемое решениями гражданского коллектива полиса. При этом, разумеется, революция 508/507 г. до н.э. не установила демократию в ее окончательной форме, но она явилась необходимым условием и ключевым фактором последующей политической эволюции Афин в данном направлении. В ближайшей перспективе она реализовалась в «клизфеновских» инновациях, в более отдаленной перспективе – в полном наборе институтов, ассоциируемых с классической афинской демократией (53, с. 83–84, 89).

Серия институциональных реформ «первого (постреволюционного) поколения» демонстрирует гораздо более радикальный разрыв с прошлой, «преддемократической», практикой, чем любые другие перемены, происходившие в истории развития афинской демократии, считает Дж. Обер. Более того, именно эти ранние инновации способствовали подъему Афин с уровня среднего по значимости регионального полиса до статуса великой средиземноморской державы (53, с. 96).

Среди институциональных нововведений «первого поколения» особенно примечателен институт остракизма как открытое утверждение власти демоса в качестве политического коллектива, обладающего правом судить общественное поведение каждого заметного члена этого коллектива и путем голосования удалять из своих рядов человека, признанного наиболее опасным для государства, даже если он не совершил никаких антигосударственных действий. Благодаря этому институту, полагает Дж. Обер, афинская революция (в отличие от Французской) не трансформировалась в организованный террор против «врагов общества» – аристократических «контрреволюционеров». Объектом подобного применения власти народа мог стать каждый год только один человек, а наказание ограничивалось лишь временным (10-летним) изгнанием без конфискации имущества, т.е. было относительно гуманным (53, с. 99).

Наиболее значительной инновацией Клисфена явилась радикальная перестройка административно-территориальной структуры Аттики, организация гоплитской армии на базе новых десяти округов – *phylai* («племен») и расширение самоуправления демов. В доклизфеновскую эпоху демы в виде поселков и больших деревень уже существовали в качестве естественных локальных центров Аттики, но формально не играли никакой роли в политическом и административном устройстве, которое основывалось на четырех древних ионийских филах и их подразделениях разного уровня, в первую очередь – фратриях. Придав демам статус базовых структурообразующих единиц государства и места, где удостоверялась гражданская принадлежность личности, Клисфен превратил их в фундамент демократии (79, с. 102–105). Членство в деме стало единым и четким критерием членства в полисе, поскольку именно собрание демотов (соседей по дему) решало путем голосования вопрос о включении индивида, будь то могущественный аристократ или неимущий поденщик, в свою локальную общину и, тем самым, – в гражданский коллектив полиса (43, с. 192; 53, с. 96–97). Каждый дем со своими собственными должностными

лицами, собранием и культами, по существу, был своего рода микрополисом (71, с. 66), осуществлявшим на локальном уровне то, что можно назвать «низовой (местной) демократией» (61, с. 334). Формальное равенство демов, независимо от того, в каком месте Аттики они располагались, обеспечивало и формальное равенство их граждан, внешним выражением которого явилось введение официальной номенклатуры, которая добавила демотикон к личному имени гражданина (56, с. 88).

Впрочем, специфика клисфеновской политики состояла не только в исключительной важности политических функций этих локальных сообществ, но и в оригинальном принципе их распределения между территориальными подразделениями более высокого ранга – филлами. Каждая из десяти созданных Клисфеном фил включала по три группы демов – «триттий» (*trittyes*), располагавшихся в трех различных регионах Аттики: «городе», включавшем также и ближайшую округу; прибрежном и центральном районах. Причем, распределяя 139 демов по филлам, Клисфен явно преследовал цель сделать новые филлы равными не по территории, а по численности граждан, так как каждая филла имела равное представительство в новом совете 500 и формировала один из десяти «полков» (*taxis*) гопплитской армии Афин. Соответственно, количество демов в триттиях и филлах было различным (43, с. 189; 56, с. 83; 61, с. 334).

Соединение в каждой филле жителей различных районов Аттики является изобретением Клисфена, не имеющим аналогий в других греческих полисах. Смысл его заключался в том, чтобы предотвратить в будущем возможность роста региональных интересов в ущерб интересам всей страны и сохранить централизованное управление Аттикой, утвержденное авторитарным режимом тиранов. По этой причине, полагает Р. Осборн, Клисфен не создал органы местного самоуправления отдельно для города Афин. Афины, как и вся остальная территория Аттики, разделенные на демы, приписанные к разным филлам, не образовали особый социально-политический организм. Тем самым политическое различие между «городом» и «деревней» не только игнорировалось, но и стиралось (56, с. 183–189). Все это, по справедливому замечанию Э. Вуд, придает смысл проблематичному понятию «город-государство» (79, с. 106–107).

Таким образом, если Солон, введя в начале VI в. до н.э. систему имущественных разрядов с соответствующей градацией прав и обязанностей, создал, по существу, вертикальную, «иерархичес-

кую», структуру полисного коллектива, то Клисфен в конце столетия дополнил ее новой горизонтальной, пространственной, организацией. Реформы Клисфена, следовательно, можно рассматривать как завершающий этап формирования Афинского полиса как города-государства в его классической форме. Специфику этой формы очень точно описал еще в середине XIX в. К. Маркс, характеризуя античную гражданскую общину и античную форму собственности. Ее отличие от других типов общин заключается, во-первых, в том, что она существует как государство, а во-вторых, в том, что ее базой является город, территория которого включает принадлежащую ему сельскую местность (3, с. 465). Это последнее обстоятельство особо подчеркивает и Р. Осборн, основная идея монографии которого, по словам самого автора, заключается в том, «что полис – есть единство, что “афиняне” живут по всей территории Аттики и что разговор о лояльности деревень к Афинам основан на полном непонимании природы полиса» (56, с. 8).

Интегрирующее воздействие клисфеновских реформ на общество немедленно отразилось на военных возможностях Афин. Уже спустя год после реформы, в 506 г. до н.э., новая гопплитская армия успешно отразила одновременное вторжение беотийцев и халкидян, а в 490 г. до н.э. одержала блестящую победу над персами при Марафоне (61, с. 335).

Можно, по-видимому, согласиться с Т. Митчеллом в том, что реформы Клисфена отнюдь не были спонтанным ответом на чаяния народа, как иногда полагают (например, тот же Дж. Обер). Они, несомненно, явились результатом тщательного обдумывания и планирования, «инновационным продуктом», созданным самим Клисфеном или его окружением. Главная цель «проекта» состояла в том, чтобы создать политически активный гражданский коллектив, члены которого приобретали бы опыт на политических площадках разного уровня – от собрания дема до собрания полиса (45, с. 48).

В античной традиции роль Клисфена в становлении афинской демократии оценивалась не вполне однозначно. И если Геродот не сомневался в том, что именно Клисфен установил в Афинах демократическое правление, а Аристотель считал «конституцию» Клисфена более демократической, чем «конституция» Солона, то Исократ и Плутарх сохранили версию, которая подчеркивала аристократический характер клисфеновской политики. В современной историографии также существуют разногласия относительно того,

была ли его «конституция» реальной демократией или только важным шагом на пути к ней.

Для определения характера установленного Клисфеном режима исследователи нередко обращаются к проблеме его названия и тех политических лозунгов, под которыми проводились реформы. Так, по мнению Ф. Менвилла, политическое развитие Афин в VI в. до н.э. следует рассматривать как эволюцию от солоновской *eunomia* («благозакония») к клисфеновской *isonomia* («равнозаконию»), т.е. «равенству перед законом» или «равноправию») (43, с. 198). Есть все основания полагать, пишут К. Раафлауб и Р. Уоллес, что четкая политическая терминология, подчеркивающая не подобие или относительное равенство (*homoiotēs*), культивируемое спартанскими *homoioi*, но полное или абсолютное равенство (*isotēs*, как в словах *isonomia* или *isēgoria*), возникла в элитарных кругах, утративших это равенство благодаря монополизации власти тиранами. Однажды появившись, эта терминология могла быть применена к политическим системам, предполагающим наделение властью более широких групп граждан, таким, как полития Клисфена (64, с. 45). Ч. Форнара и Л. Самонс, признавая тот факт, что современные исследователи обычно отдают предпочтение термину «исономия», доказывают, что это слово не могло быть лозунгом клисфеновских реформ именно потому, что подчеркивало аристократическое равенство «равных». Лишь позднее заключенная в термине *isonomia* идея «равенства» превратилась в идею «равенства всех граждан», когда первоначальное более узкое его значение стало концептуально неприемлемым (19, с. 44).

Официальным названием созданной Клисфеном *politeia*, считают Ч. Форнара и Л. Самонс, служил термин *dēmokratia*. Однако, отмечают они, первая составная часть этого слова, *dēmos*, уже в архаическую эпоху обозначала как «народ в целом», так и «простой народ», в противоположность знати (19, с. 48–49; см. также: 68, с. 15). Тогда возникает вопрос: была ли *kratos*, власть, переданная демосу в результате клисфеновской «революции», перенесением суверенитета на «народ в целом», или этот акт явился выражением фракционного триумфа «простого народа» над аристократией? Если исходить из интерпретации демократии в известной речи Перикла, переданной Фукидидом, то невольно возникает искушение рассматривать *dēmokratia* в плане эволюции от фракционного правления «простого народа» к более широкому правлению «всего народа», достигнутому в эпоху Перикла. Однако такая эволюция не прослеживается в реальной действительности-

сти периода 508/507–431 гг. до н.э. Ход демократического развития в это время не был простой реализацией внутренних потенций клисфеновской *politeia* (19, с. 50).

Реорганизация территории Аттики как города-государства, явившаяся основным содержанием клисфеновских преобразований, фактически означала, как считают Ч. Форнара и Л. Самонс, консолидацию демоса в широком смысле, к которому формально перешла *kratos* этого города-государства. Впрочем, подчеркивают исследователи, формальный суверенитет «всего народа» отнюдь не отменил фактическую монополию «благородных» и богатых на замещение государственных должностей. Сохранение имущественного ценза не согласуется с идеей «равноправия» и является обстоятельством, свидетельствующим против *isonomia* как лозунга клисфеновских реформ (19, с. 64–66).

По мнению К. Раафлауба, концепция *isonomia*, впервые сформулированная как аристократическая ценностная категория, вполне могла использоваться для обозначения клисфеновской политики как модифицированный вариант традиционного идеала *eunomia*. *Dēmokratia* и похожие термины (аристократия, олигархия и т.п.), напротив, определяли характер государственного устройства в соответствии с критерием: кто, сколько и какого рода лица управляют или обладают властью (*kratos* или *archē*). Самым ранним источником, отражающим эти различия, является ода Пиндара, датируемая временем около 470 г. до н.э. В ней народной альтернативой монархии и аристократии выступает армия (*stratos*). Аналогичную функцию выполняли такие термины, как *dēmos* и *plēthos* («множество», «масса»). Но, по-видимому, в 460-е годы до н.э. им на смену в этой роли приходит понятие *dēmokratia*, создание которого означало сдвиг в сознании афинян, вызванный тем, что *dēmos* действительно стал обладать властью (58, с. 112).

Реформы Клисфена, пишет К. Раафлауб, действительно увеличили степень равенства по сравнению с системой Солона. Однако остаются сомнения относительно того, пользовались ли полным политическим равенством граждане низшего класса, которые не служили в гоплитской армии, и насколько демос, хотя и принимавший окончательное решение, реально управлял. Тем не менее, отмечает исследователь, клисфеновская «протодемократия», несомненно, явилась решающей стадией на пути к более позднему рывку к полной демократии (58, с. 144–154; 61, с. 335).

Тот факт, что Клисфен не создал окончательную форму афинской демократии, не отрицает и Т. Митчелл. После «револю-

ции» 508/507 г. до н.э. глубоко укорененная аристократическая концепция, ставящая обладание политическими правами в зависимость от происхождения и богатства, не исчезла окончательно. Но Клисфен, с его точки зрения, сделал решительный шаг к противоположному политическому идеалу, в соответствии с которым весь коллектив граждан имеет право непосредственно контролировать ход общественных дел. Вряд ли, пишет Т. Митчелл, есть основания для сомнений в том, что его реформы установили форму правления, которую греки называли *dēmokratia*. Дальнейшая демократизация в течение V в. до н.э., продолжавшая расширять власть народа, была, скорее, эволюцией существующей системы, чем фундаментальным сдвигом в распределении власти. Позднейшая демократия отличалась лишь степенью развития, а не типологически (45, с. 48–49).

Афиняне постклисфеновской эпохи, отмечает Дж. О’Нил, могли рассматривать себя как *isonomos*, «равными перед законом». Однако традиционная аристократия полностью сохранила за собой политическое лидерство и право занимать высшие должности архонтов и стратегов. Все это, по мнению австралийского ученого, позволяет отнести Афины рубежа VI–V вв. до н.э. к числу так называемых умеренных или «первых» (по терминологии Аристотеля), т.е. ранних демократий, в которых суверенитет демоса фактически был ограничен выбором между политическими линиями соперничающих аристократических фракций. Само название *dēmokratia* появилось позднее, но концепция демократии, суть которой выражал термин *isonomia*, в VI в. до н.э. уже существовала. В своем первоначальном виде ранняя демократия клисфеновского типа, как и ранняя олигархия, была вариантом реформирования древнего аристократического строя. Однако она предполагала включение в политический класс (хотя и не на основе полного равенства) всех взрослых мужчин местного происхождения, а не только более или менее состоятельной их части – обладателей тяжелого вооружения, как в олигархических полисах (52, с. 34). Именно это обстоятельство – наделение политическими правами малоимущих и бедняков – и явилось, по мнению Э. Вуд, предпосылкой трансформации при определенных условиях умеренной клисфеновской демократии в радикальную (79, с. 122).

РАДИКАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: «СУВЕРЕНИТЕТ НАРОДА» ИЛИ «ТИРАНИЯ» DĒMOS' A?

Режим радикальной демократии установился в Афинах к середине V в. до н.э. не как итог какой-то единовременной реформы или «революции», а в ходе серии конституционных преобразований, в результате которых массовые органы власти демоса – совет 500, народное собрание и народные суды – получили преобладающую роль в выработке и проведении политики Афин. Именно эти преобразования, по мнению К. Раафлауба, следует считать подлинным началом демократии. Точкой отсчета процесса, который он назвал «прорывом к dēmokratia», стала реформа Ареопага 462/461 г. до н.э., а завершился переход к ней принятием закона Перикла о гражданстве 451/450 г. до н.э. В историографии реформы середины V в. до н.э. часто рассматриваются как менее значимые и радикальные, чем реформы Солона или Клисфена. Между тем они представляют собой последние действительно крупные институциональные инновации, которые завершают создание фундамента политической системы, известной как dēmokratia. Достигнутое благодаря им практически полное политическое равенство превратило низший класс, фетов, в активных участников государственного управления и означало радикальный разрыв с древней и глубоко укоренившейся «тимократической» традицией распределения политических прав. В результате власть демоса, понимаемого К. Раафлаубом как совокупность всех граждан, была реализована настолько полно, что он стал ассоциироваться в глазах современников с «господином» и даже «монархом» (58, с. 105–106).

На протяжении V–IV вв. до н.э. во многих, если не в большинстве греческих полисов преобладали конституционные формы, при которых полными правами обладали только лица не ниже гопплитского статуса. Такие политии были скорее аристократиями или олигархиями, чем демократиями. И хотя последние в данный период стали более частым явлением, умеренные формы тех и других, как показал Аристотель, не слишком различались. На их фоне афинская версия демократии середины V в. до н.э. и последующего времени выглядит экстремальной и не имеющей аналогов. Полная политическая интеграция фетов, в обычных условиях невероятная, оставалась исключением. Предпосылкой такой интеграции, пишет К. Раафлауб, могли быть только радикальные перемены в их экономическом или социальном статусе и обществен-

ных функциях, обусловленные какими-то чрезвычайными обстоятельствами (58, с. 120–121).

Главным фактором радикализации демократии, как считают большинство историков, или ее возникновения, как полагает К. Раафлауб, стала конфронтация с Персидской империей, которая фундаментально изменила характер войны и, как считается, способствовала трансформации не только военной, но и политической сферы Афин (74, с. 80; 54, с. 83; 45, с. 57, 58, с. 117). Прежние войны представляли собой кратковременные локальные конфликты между соседними полисами, исход которых определялся столкновением небольших по численности ополчений тяжеловооруженной пехоты. В войне с персами решающее значение приобрели боевые действия на море, для ведения которых афиняне построили величайший из когда-либо создававшихся одним греческим полисом военный флот. Потребности флота в людских ресурсах были огромны, и если при Марафоне в 490 г. до н.э. в афинской фаланге насчитывалось 9 тыс. гоплитов, то в грандиозном морском сражении при Саламине в 480 г. до н.э. участвовало 180 афинских триер, общая численность экипажей которых достигала 36 тыс. человек. Корабельные команды формировались в основном из представителей низшего класса, и победа при Саламине, ставшая триумфом афинского флота, превратила «корабельную чернь» (*nautikos ochlos*) в «спасителей отечества» (35, с. 157–158; 61, с. 336).

Впрочем, уверен К. Раафлауб, если бы афиняне после 479 г. до н.э., последовав примеру спартанцев, отказались от дальнейших военных операций на море и морской гегемонии, их конституционное развитие вряд ли продвинулось дальше клисфеновской исономии. Однако в 478/477 г. до н.э. Афины возглавили Делосский союз полисов Эгеиды, который продолжил вести боевые действия на море в течение трех десятилетий. Именно длительная война с персами, гегемония в военном союзе и трансформация его в афинскую «империю» (Архэ) сделали флот решающим инструментом поддержания могущества, обеспечения безопасности Афин и проведения ими имперской политики. Соответственно, «милитаризация» фетов, прежде отстраненных от военной службы (и, следовательно, не совсем полноценных граждан) резко повысила их социальный статус и самооценку, а также позволила претендовать на более важную роль в управлении государством (58, с. 122; 61, с. 336; 54, с. 83).

В отличие от К. Раафлауба и других историков, считающих создание флота, Делосской симмахии и Афинской архэ необходи-

мыми предпосылками «подлинной» демократии, Дж. Обер отстаивает идею обратной взаимозависимости. По его мнению, скорее флот и империя были продуктом демократии, чем наоборот. Они стали возможны именно потому, что Афины, в отличие от недемократических полисов, оказались политически, идеологически и материально готовы к созданию и содержанию постоянно боеготового флота, укомплектованного гражданами более низкого, чем гоплиты, статуса. Судьбоносное решение о строительстве флота, принятое экклесией в 483/482 г. до н.э., с точки зрения американского историка, стало возможным только благодаря демократической революции 508/507 г. до н.э. Демократия, как идеология, была необходимым условием и афинской империи (53, с. 99–101).

Точно так же и по мнению Дж. О'Нила, «только в рамках демократии, когда низшие классы уже имели право голоса, они были способны влиять на государственное устройство полиса. “Корабельная чернь” могла радикализировать уже существующую демократию, но не могла ее установить» (52, с. 78). Тот факт, что Афины достигли демократии и предоставили фетам равное место в народном собрании до того, как они приобрели военное значение, очевиден и для Дж. Митчелла. Однако, пишет он, вряд ли можно сомневаться в том, что включение низшего класса в массовом порядке в состав вооруженных сил имело результатом более интегрированное и уверенное в себе народное собрание, склонное претендовать теперь на всю полноту власти (45, с. 57).

Радикализации демократии способствовало и ожесточенное соперничество внутри самой элиты, которая постоянно выдвигала из своей среды демократических лидеров. Несомненно, реагируя, как и Клисфен в 508/507 г. до н.э., на растущее давление снизу и предчувствуя выгоду от возможности получить поддержку наиболее многочисленного и все более влиятельного класса граждан, группа политиков, руководимых Эфиальтом, а затем Периклом, предложила народному собранию реформы, которые и были реализованы в 462/461 г. до н.э. Совет Ареопага, все еще остававшийся бастионом аристократии и существенно укрепивший свои позиции во время Персидских войн, лишился большинства своих полномочий. Он утратил право вести судебные процессы по преступлениям против государства (*eisangeliai*), осуществлять проверку должностных лиц перед началом выполнения ими своих функций (*dokimasia*), а также заслушивать их отчеты по окончании срока полномочий (*euthyna*). Все эти функции были переданы народному собранию и «постоянному комитету» при нем, совету пя-

тисот, которые окончательно стали центром принятия политических решений, а также народному суду. Приобретя дополнительные судебные полномочия, гелиэя, состоявшая из 6 тыс. граждан, отобранных по жребию (по 600 человек от каждой филы), вскоре была разделена на несколько судебных палат (*dikasteria*). В результате реформы Ареопаг, прежде наиболее авторитетный орган власти, перестал играть роль охранителя законов и государственного строя в целом (45, с. 59; 61, с. 336).

В течение десятилетия после реформы Ареопага ряд конституционных изменений еще больше повысил степень участия народных масс в управлении государством. Особенно важные последствия для демократии, считает Т. Митчелл, имел приписываемый Периклу закон, устанавливавший плату гражданам за участие в заседаниях судов. Позднее эта практика была распространена и на другие государственные институты, в частности, совет пятисот. Идея платить гражданам за исполнение ими своих гражданских обязанностей была действительно радикальной инновацией, благодаря которой участвовать в управлении полисом на регулярной основе получили возможность массы малоимущих афинян. Тем самым теоретическое равенство всех граждан сделалось практически осуществимым (52, с. 67; 45, с. 62). Характерно, что никакая другая мера не вызывала столь сильного осуждения со стороны консервативно настроенных античных писателей.

Другим важным явлением эпохи Перикла стала практика отбора по жребию в качестве основного метода ротации почти всех должностных лиц, членов совета пятисот и народных судей (гелиастов / дикастов). Подобная система «выборов» явилась реализацией на практике эгалитарной идеи о том, что справедливость среди равных означает равную долю в управлении государством, и, следовательно, любой гражданин, независимо от происхождения, образования и богатства, имеет равное право на любую должность и равную возможность это право осуществлять по принципу ротации (52, с. 58; 45, с. 64).

Впрочем, использование жребия с его принципиальной установкой на равенство не распространялось на должности, требовавшие определенной компетентности или особых талантов. К числу таких, очень немногих, исключений относились высшие военно-политические руководители Афинского государства – стратеги, обладавшие относительно большой самостоятельностью, особенно в периоды военных действий, и не только в военном, но и в дипломатическом, административном и финансовом отноше-

нии (71, с. 129). Это была должность, которая допускала неограниченное число переизбраний и, следовательно, аккумуляцию опыта, авторитета и политического влияния. Однако и власть стратегов, даже если экклесия предоставляла им чрезвычайные полномочия действовать в качестве *autokratores*, оставалась, по существу, властью проводить в жизнь постановления демоса, так как политические решения, в том числе и по деталям политики, принимались народным собранием (52, с. 66; 68, с. 82).

В целом, как подчеркивают многие исследователи, слабость исполнительной власти, фактическое отсутствие того, что можно трактовать как «администрация» или «правительство», является одной из главных особенностей афинской демократии (39, с. 54; 54, с. 4–9; 56, с. 9). Такие ее черты, как использование жребия и ежегодная ротация должностных лиц, во многом работали против преемственности, стабильности и эффективности руководства. Проблема отчасти решалась более или менее продолжительным лидерством отдельных ораторов и стратегов. Однако, как отмечает Р. Синклер, континуитет и стабильность в Афинах в большей степени достигались за счет регулярного участия большого числа граждан в работе экклесии, буле и гелиэи, непосредственно осуществлявших суверенную власть демоса (68, с. 19).

Согласно классической концепции суверенитета, разработанной Жаном Боденом и Томасом Гоббсом, суверен является высшим законодателем и подчинен только Богу и (или) законам природы. У греков близкое по смыслу понятие выражал термин *kyrios* («имеющий власть», «господин»). У Аристотеля в «Политике» различия между правильными формами правления и их искаженными вариантами определяются путем ответа на вопрос: кто является *kyrios tes poleos* («властвующим в полисе»). А также: правит ли *kyrios* (будь то одно лицо, группа лиц или правительственный орган) в соответствии с законом и для «общей пользы» или он стоит над законом и использует власть в своих интересах? В результате выделяются правильные формы, такие как монархия, аристократия и полития, искаженными вариантами которых выступают, соответственно, тирания, олигархия и демократия. Поскольку в реальности все греческие полисы были либо олигархиями, либо демократиями, в роли *kyrios* выступал правительственный орган в виде группы лиц (совета из числа представителей элиты) или демоса в целом, который законодательствовал, но сам стоял выше законов, подменяя их декретами в собственных интересах. Из этого, как отмечает М.Г. Хансен, следует, что все эти полисы имели

суверена, как его трактует Жан Боден. Фундаментальное различие состоит в том, что в концепции Бодена такая ситуация является и теоретической нормой, тогда как для греческих мыслителей она абсолютно порочна. Согласно их воззрениям, подлинным «господином» полиса должен быть закон (*hoi nomoi kyrioi*) (30, с. 73–77).

В Афинах верховный суверенитет демоса обычно ассоциируется с той ролью, которую играло народное собрание. Благодаря этому институту, членом которого являлся каждый афинский гражданин просто по праву своего афинского происхождения, фактически стиралась граница между управляющими и управляемыми, *archontes* и *archomenoi*, так как в определенной степени все граждане были управляющими. Народное собрание являлось материальным воплощением идеи о том, что *polis* как государство есть *dēmos*. В свою очередь термины *dēmos* и *ekklēsia* в сочинениях античных авторов и в речах аттических ораторов часто используются как синонимы (24, с. 8; 45, с. 98). Таким образом, правительство и гражданский коллектив в основном совпадали. Последний был *arche* («властью») в широком смысле, тогда как должностные лица являлись *archai* («властями») только в узком, техническом, значении (29, с. 9; 30, с. 67; 17, с. 110; 65, с. 132).

Действительно, круг полномочий экклесии в V в. до н.э. трудно очертить, так как в ее компетенцию входили практически все вопросы. В народном собрании, как принято считать, *kratos dēmos'a* находила наиболее полное выражение. До 403/402 г. до н.э. все законы (*nomoi*) и постановления (*psēphismata*), также имевшие силу закона, принимались демосом в экклесии, которая могла сама себя трансформировать в суд, где демос непосредственно рассматривал важнейшие политические дела. Отсутствие каких-либо ограничений власти демоса превращало его в своего рода коллективного абсолютного монарха, безответственность которого нередко приводила к негативным и даже катастрофическим результатам. Под влиянием демагогов суверенное народное собрание Афин часто принимало поспешные решения и столь же поспешно их пересматривало, проявляло агрессивность и жестокость или, напротив, излишнюю беспечность и благодушие (24, с. 94; 68, с. 83; 45, с. 186–187).

«Неограниченный дилетантизм» законодательства и принятия решений был одной из главных черт афинской политической системы, что позволяло ее критикам, таким как Платон или Аристотель, отрицать существование «власти закона» при демократии. Но та же самая черта давала возможность сторонникам «радикаль-

ной демократии» рассматривать это как «краеугольный камень» свободы граждан, охраняемой их законами и их народными судами (11, с. 169).

Реформы эпохи Перикла завершили эволюцию государственного устройства Афин в такое, которое критически настроенные современники называли крайней демократией, видя в ней извращенную форму умеренной, соблюдающей законность демократии, существовавшей до Персидских войн. Это было равнозначно, как отмечают Ч. Форнара и Л. Самонс, устранению не только правления традиционной элиты, но и политических принципов клисфеновской *politeia*. Результатом реформы был полный отказ от еще сохранявшихся элементов аристократического полиса и замена его демократией, открыто действующей в интересах большинства, т.е. *dēmokratia* как власти «простого народа» в противоположность ее первоначальному смыслу как «суверенитета консолидированного демоса» (19, с. 64–66).

Наиболее фатальным пороком афинской версии демократии, с точки зрения Платона и Аристотеля, была именно та крайняя форма, в которой афиняне реализовали концепцию равенства, предоставив равные политические права фактически неравным индивидам. На практике это давало преимущество «беднякам» (*penetes*) над «благородными» (*gennaioi*) и «состоятельными» (*chrestoi*), поскольку первые составляли большинство, а в государстве, управляемом массой неимущих, лишенной представлений о доблести и добродетели и действующей исключительно в собственных интересах, не могло быть ни справедливости, ни умеренности. Таким образом, расширение могущества демоса благодаря усилиям демагогов, Эфиальта и Перикла, привело к трансформации его власти в коллективную тиранию бедняков. Отвергнув принцип суверенитета закона, государственное устройство утратило свою правильную форму (45, с. 102–104).

Действительно, понимание термина *dēmos* как бедное большинство гражданского коллектива широко представлено в сочинениях Фукидида, Ксенофонта, Псевдо-Ксенофонта, Платона и Аристотеля, которые относились к демократии либо негативно, либо откровенно враждебно. В их трудах слово *dēmos* используется как синоним таких понятий, как *demotikoi* («простой народ»), *ochlos* («толпа», «чернь»), *aporoí* («неимущие») или *plēthos* («многие», «массы»). В качестве антонимов, соответственно, выступают: *gnorimoi* («знатные»), *euroí* («состоятельные») или *oligoí* («немногие»). Поэтому, как считают некоторые историки (М.Г. Хансен,

Дж. Обер и др.), любое исследование *dēmokratia*, чтобы быть точным в отношении демократической идеологии и практики, должно игнорировать источники, в которых такое понимание присутствует (26, с. 505–507; 54, с. 3–4; 58, с. 139). При этом они обращают внимание на тот факт, что слово *dēmos* в значении «простой народ» не зафиксировано ни в аттических эпиграфических памятниках, ни в речах афинских ораторов, произнесенных перед народным собранием, советом или судами, т.е. в источниках, которые, собственно, и являются «документами» афинской демократии. В этих текстах, отражающих взгляд самих афинских демократов, *dēmos* практически всегда употребляется либо в значении *pantes politai* или *pantes Athenaiōi*, «все граждане», «все афиняне», либо в значении «народное собрание», которое считалось воплощением демоса в целом (26, с. 505–507). Таким образом, заключает К. Раафлауб, «сторонники *dēmokratia* определенно рассматривали *dēmos* в инклюзивном значении “весь народ”, тогда как их оппоненты использовали это слово в эксклюзивном значении “неэлита”, придавая ему более радикальную интерпретацию “низший класс”, “толпа”» (58, с. 139).

В настоящее время среди исследователей сформировался широкий консенсус относительно того, что изначальным и основным значением термина *dēmos* является гражданский коллектив в целом, включая богатых и бедных, элиту и массы. И именно поэтому во многих случаях *dēmos* выступает синонимом такого понятия, как *polis*, «гражданская община» или «город-государство» (см., например: 29, с. 9; 30, с. 67; 53, с. 94).

Между тем, как отмечает Д. Кемэк, профессор Йельского университета (США), анализ других значений термина *dēmos* и его соотношение с понятием *dēmokratia* позволяет внести определенные уточнения как в саму концепцию демоса, так и в концепцию демократии. В этом плане особый интерес, с ее точки зрения, представляет тот вариант, когда понятие *dēmos* ассоциируется с народным собранием (*ekklēsia*), которое, несмотря на ограниченный состав участников каждого конкретного форума, считалось воплощением демоса в целом. При этом, согласно традиционному подходу, *dēmos* в значении «собрание», как и в значении «простой народ», также является производным от изначального понимания демоса как совокупности всех граждан полиса, и только такое понимание термина *dēmos* подразумевается в слове *dēmokratia*. Но в таком случае возникает вопрос: если понятие *dēmokratia* предполагает правление всего народа, кто является объектом управления?

Очевидно, что тот же самый народ. Следовательно, *dēmokratia* означает самоуправление, но, как подчеркивает Д. Кемэк, крайне сложно обнаружить что-либо подобное такой концепции демократии в античных источниках. В них самоуправление всегда фигурирует под термином *autonomia* и означает неподчиненность полиса внешней власти (8, с. 6).

Другой причиной подвергнуть сомнению традиционный взгляд об изначальном тождестве понятий *dēmos* и *pantes politai* являются свидетельства источников, предшествующих тому времени, когда *dēmokratia* стала реальностью, и в которых *dēmos* представлен вне связи с этой формой правления. На протяжении длительного периода, от Гомера (VIII в. до н.э.) до Эсхила (V в. до н.э.), значение термина *dēmos* было стабильным и включало три основные характеристики. Наиболее важной чертой демоса было то, что он являлся *коллективным субъектом*, включающим множество индивидов, образующих общность корпоративного типа. В отличие от *laos* – «народа» как совокупности мало чем связанных между собой персон, *dēmos* обладал несопоставимо более значительным политическим весом. В качестве *политического субъекта* он был способен заставить почувствовать свою волю всему сообществу, и, судя по имеющимся источникам, любые публичные акции всегда осуществлял именно *dēmos* и никогда – *laos*. Таким образом, отмечает Д. Кемэк, как особый политический субъект *dēmos* существовал задолго до *dēmokratia* (8, с. 12).

Наконец, *dēmos* как *исключительный субъект*, охватывающий не все сообщество, но лишь рядовое большинство, противостоял политической элите (*hēgēmones, basileis, gerontes*). И в этом смысле он не мог быть тождественен ни *pantes politai*, ни полису в целом, который объединял как правящий класс, так и управляемых. Таким образом, изначальное, в архаический период, и позднее, в классическую эпоху, *dēmos* в более широком смысле обозначал тех, чья политическая власть была обусловлена их участием в деятельности коллективного органа, народного собрания (= *dēmos* – в узком смысле), в отличие от тех, кто обладал политическим влиянием индивидуально (8, с. 15–16). Такому выводу, казалось бы, противоречит тот факт, что по-гречески «собрание» называлось не *dēmos*, а *agora* или *ekklēsia*. Однако, как отмечает Д. Кемэк, это были скорее технические термины, обозначающие место сбора или форму / способ созыва. Постановления принимала не *agora*, а *dēmos* в качестве политического субъекта. Поэтому декреты афинского народного собрания начинались словами *edoxe tō dēmo*, «по-

становил демос» (а не еkkлeсия), или, чаще всего, *edoxe tō boulē kai tō demō*, «постановили совет и народ» (8, с. 17).

Со временем слово «демос» приобретало новые значения. Наиболее расширительно в некоторых случаях оно использовалось как синоним слова *polis*, т.е. «гражданская община», «город-государство», а также *pantes politai*, «все граждане». Но, судя по источникам, это было относительно поздним явлением. Возможность объяснить возникновение такой синонимичности, по мнению Д. Кемэк, как раз и дает отождествление *dēmos* с народным собранием. Понятия *dēmos* и *polis* становятся взаимозаменяемыми тогда, когда *dēmos* приобретает *kratos* над своей элитой, и воля демоса становится волей полиса. Термин *dēmokratia* в качестве названия нового политического режима отражает, следовательно, прежде всего тот факт, что политическая власть в сообществе окончательно перешла к этому коллективному субъекту от ведущих лиц, которые прежде ею обладали. Верховенство народного собрания при демократии, в свою очередь, демонстрирует взаимозаменяемость терминов *dēmos* и *dēmokratia*. Поэтому ниспровержение демократии могло передаваться фразой: *katalisai tōn dēmon*, «свергнуть демос» (8, с. 18–19).

В целом, отмечает Д. Кемэк, несмотря на определенную растянутость во времени, переход к демократии имел революционный характер. «Конверсия политической элиты из правителей в лидеров – из *hēgēmones* в *dēmagogoi*, в “вождей демоса” в буквальном смысле – была радикальной трансформацией, возможно, после классической эпохи никогда более не повторявшейся» (8, с. 22). Разумеется, пишет она, Аристотель был прав, утверждая, что *dēmokratia* означает власть бедняков, поскольку они составляют большинство тех, кто в индивидуальном плане политически мало значим. Тем не менее *dēmos* не был ни социально-экономической, ни подлинно статусной категорией. В основе этого феномена явно просматривается институциональный аспект. Имея вполне определенное отношение к принимающей решения власти, он, с точки зрения Д. Кемэк, скорее был «политическим конструктором» (8, с. 23).

Аристотель, в отличие от Платона, не был непримиримым противником демократии и даже отдавал ей явное предпочтение перед олигархией. Более того, он рассматривал демократию как форму, близкую той, которую он считал идеальной и называл «политией». Сходство между ними определялось именно тем, что обе данные формы предполагали правление большинства. Различие,

впрочем, также было существенным и заключалось в характере этого «большинства». В политике Аристотеля большинство состояло из граждан среднего достатка (*hoi mesoi*), преимущественно мелких землевладельцев, формирующих гоппитскую армию государства. Социальной же базой (афинской) демократии, по его мнению, являлись торгово-ремесленные слои, а также масса людей, связанных с обслуживанием военного флота в качестве работников доков, кормчих, гребцов и матросов, общая численность которых превысила численность земледельческих *mesoi*. Именно эти категории населения составляли большинство в экклесии и тем самым определяли политику Афин.

Далеко не все современные исследователи разделяют мнение Аристотеля о том, что в народном собрании доминировал городской «пролетариат». Так, по мнению Т. Митчелла, несмотря на возросшую роль фетов в обороне государства и рост их политического влияния, класс гоппитов и землевладельческая аристократия – «древнее аграрное ядро афинского гражданства» – не утратили своего значения в качестве «мощного фактора эволюции афинской демократии». Нет также оснований полагать, что феты получили в народном собрании численный перевес. Кроме того, в описаниях демократии у Платона и Аристотеля, с точки зрения ирландского исследователя, серьезно недооценивается или игнорируется то обстоятельство, что фактическая монополия знатных (*gennaioi*) и богатых (*plousioi*) на самые важные должности в системе исполнительной власти позволяла высшему классу оказывать огромное влияние на процесс принятия решений. Эти должности оставались выборными путем открытого голосования в экклесии, т.е. в их отношении действовал принцип, считавшийся аристократическим. И не известно ни одного случая, чтобы их занимал зевгит или фет. Таким образом, равенство возможностей не было полным, и афинская демократия не предпринимала попыток эту ситуацию изменить (45, с. 107).

Не следует также недооценивать функциональное неравенство, обусловленное богатством и образованием. Оно обеспечивало преимущество элиты именно в тех сферах (политической и судебной), в которых эгалитаризм был закреплен конституционно в своей крайней форме. Богатый индивид с помощью искусной риторики мог вводить в заблуждение народ в экклесии и в суде, используя свое образование и ораторский талант во вред демосу (см.: 54, с. 166–167, 202–203).

Абсолютно верно данное известным французским антиковедом П. Видал-Накэ определение греческой цивилизации как «цивилизации политического дискурса». И, как отмечает другой, не менее известный французский историк Клод Моссе, нет оснований сомневаться в том, что «равное право на публичные высказывания», *isēgoria*, было как принципом, так и реальностью афинской демократии. Любой афинский гражданин мог участвовать в обсуждении любых вопросов, рассматриваемых народным собранием. Но на уровне реальности обсуждение неизбежно предполагает дебаты между противоположными точками зрения. А это, в свою очередь, требовало определенной квалификации и, следовательно, подготовки, немыслимой без наличия соответствующих ресурсов в виде материального достатка и свободного времени. И если демос в целом обладал определенной политической культурой, то отнюдь не любой рядовой гражданин мог реально воспользоваться своим правом *isēgoria* просто в силу отсутствия соответствующей подготовки. Этим объясняется столь важная роль ораторов в афинском демократическом полисе и формирование особой категории граждан, *politeuomenoi*, «политического класса», большинство членов которого, естественно, принадлежало к экономической элите (48, с. 266).

Впрочем, известно, что многие из тех, кто нес на себе бремя триерархии и других тяжелых финансовых затрат в пользу полиса, т.е. людей, несомненно, богатых, старались держаться в стороне от политической деятельности. И если возможность конвертировать экономическое могущество в политическое влияние теоретически существовала, то, как подчеркивает французская исследовательница, исторические источники не позволяют обнаружить правление экономической элиты в Афинах через использование демократических институтов. В то же время ряд политически активных граждан не относились к категории «богатых». Таким образом, исключительная автономность политической сферы полиса привела к возникновению исключительно политической элиты, отличающейся особенно высокой степенью вовлеченности в общественные дела и лишь отчасти совпадающей с экономической элитой (48, с. 260).

Разумеется, экклесия обладала полной властью принимать или отвергать предложения элитарных ораторов. Однако, как справедливо заметил Р. Осборн, окончательная ответственность не то же самое, что действительная власть посвященных в политику. Эта «власть второго рода» оставалась в руках тех, кто формулиро-

вал и вносил предложения, т.е. она фактически являлась прерогативой немногочисленной, но политически активной и определенно не бедной части гражданского коллектива (56, с. 65, 91). Соответственно, полагает Т. Митчелл, оценка Платоном и Аристотелем афинской демократии как попирающей законы тирании бедняков лишена оснований. Афинская система, подчеркивает он, обеспечивала высокий уровень социальной гармонии. Это не была крайняя демократия, в которой доминировали бедняки, а сбалансированный *modus vivendi* социальных классов (45, с. 112–113).

Социальной базой афинской демократии Т. Митчелл и ряд других исследователей считают многочисленный и влиятельный «средний класс» (*hoi mesoi*), который обычно ассоциируется с зевгитами по классификации Солона (см.: 57, с. 269; 68, с. 219; 71, с. 55). Однако, согласно имеющимся оценкам, зевгиты вместе с гражданами более высоких разрядов вряд ли составляли более трети от общего числа афинских граждан, тогда как на долю фетов приходилось около 2/3, что автоматически предполагает их доминирование в народном собрании (см.: 22, с. 29; 72, с. 81, 179–182; 77, с. 61). Разумеется, феты в массе своей не были безземельным пролетариатом, и хотя «тимократическая система» формально так никогда и не была отменена, нет никаких свидетельств того, что афинские гоплиты отделяли себя от низшего класса (см.: 74, с. 78; 53, с. 97). Однако, пишет К. Раафлауб, необходимо учитывать тот факт, что к середине V в. до н.э. Афины превратились в экономический центр греческого мира. Торговля и предпринимательская деятельность росли параллельно с консолидацией афинской сферы политической гегемонии. Афинская гавань Пирей стала настоящим торговым городом-хабом Эгеиды и даже Восточного Средиземноморья в целом. Огромное количество людей теперь оказалось занято в сферах деятельности, не связанных с сельским хозяйством. Тысячи афинских граждан из сельских поселений Аттики поменяли характер занятий и образ жизни, даже если далеко не все они мигрировали на постоянное жительство в городскую зону. Соответственно, их сельская ментальность претерпела серьезную трансформацию в плане смещения акцента с местных интересов на интересы полиса в целом (58, с. 118). Или, как удачно выразился Д. Стоктон, произошла переориентация на «морской» образ мышления и поведения, свойственный *nautikos ochlos* (71, с. 48). Естественно, что эти люди стали играть активную роль в определении политики государства, тем более что политические вопросы оказались непосредственно связанными с имперскими

доходами, в которых свою долю имела значительная часть рядовых афинян (74, с. 80).

В целом активное участие афинского «среднего класса» в общественной жизни, его «большое политическое влияние», при радикальной демократии выглядят достаточно проблематично. Видимо, не случайно античные писатели и ораторы, как отмечает Дж. Обер, были склонны делить общество на два основных класса: «богатых» (*hoi plousioi*) и «бедных» (*hoi penetes*) (54, с. 194). Первые фигурируют в источниках также как *hoi eуроοι* («люди со средствами»), которые определяются Аристотелем как «те, кто служит полису своим имуществом», выполняя за свой счет хорегии, триерархии и другие литургии в пользу государства. Но наиболее общим и точным значением термина *plousioi*, по мнению Дж. Обера и других исследователей, было «праздный класс», объединяющий людей, размер состояния которых избавлял от необходимости лично трудиться. Их численность, как показал специально занимавшийся этим вопросом Дж. Дэвис, составляла от 1200 до 2000 человек, т.е. порядка 5–10% от общей численности гражданского коллектива (15, с. 11–35; 54, с. 192, 195). Все остальные рассматривались как *penetes* или *αροοι* («люди без средств») в том смысле, что их имущественное положение не позволяло вести праздную жизнь (68, с. 122; 72, с. 42–43; 54, с. 195). Соответственно, «класс зевгитов» являлся наиболее зажиточной частью весьма широкой категории населения, обычно описываемой как «бедняки» именно потому, что даже наличие обычно нескольких рабов, как правило, не освобождало их от личного участия в производственном процессе (45, с. 108). При таком понимании «бедности» демократия, действительно, могла трактоваться античной интеллектуальной элитой как «правление бедняков».

Несмотря на господство идеологии эгалитаризма, различия, основанные на экономическом неравенстве, никогда не рассматривались афинянами как нечто несовместимое с демократией. Демос вполне довольствовался политическим равенством и не обнаруживал стремления лишить богатых как класс их собственности (54, с. 197–199). Тем не менее он находил способы заставить богатых граждан тратить определенную (и часто весьма значительную) часть своего богатства на нужды всего общества. Эйсфора (чрезвычайный военный налог), литургии (добровольные или принудительные), штрафы, активно налагаемые на богатых народными судами, по мнению Дж. Обера, являлись инструментами экономического перераспределения, поскольку во всех случаях деньги изымались у

более состоятельных граждан и передавались (прямо или косвенно) менее состоятельным. Таким образом, богатым гражданам приходилось оплачивать свой статус путем выполнения крайне обременительных в финансовом отношении обязанностей (54, с. 202; 45, с. 112).

Более того, практически вся крупная собственность в стране находилась под фактическим контролем демоса. Когда литургии приобрели регулярный и обязательный характер, стали вводиться и судебные механизмы, обеспечивающие их выполнение. Среди них Дж. Обер особо выделяет процедуру *antidosis* (обмена имуществом между литургистами в судебном порядке), позволявшую народным судам выступать в роли арбитров в споре между богатыми индивидами. В результате, отмечает он, процедура *antidosis* имела двойной эффект: с одной стороны, она разрушала классовую солидарность в рядах элиты, а с другой – делала демос подлинным хозяином судьбы всех крупных состояний (54, с. 242).

В целом, как подчеркивает американский историк, специфика афинской элиты состояла не в наличии каких-либо признанных законом или общественной моралью привилегий (хотя последнее отчасти и имело место), а в обусловленной ими ответственности за выполнение как регулярных, так и экстраординарных повинностей, прежде всего финансовых, перед государством, в качестве которого выступал «державный демос». Через экклесию и дикастерии демос осуществлял очень жесткий контроль над теми, кого он допускал к власти, и был скор на расправу в случае, если они допускали серьезные промахи или совершали действия, которые казались противоречащими интересам «народа» (54, с. 240; 45, с. 112–113).

Демос испытывал некоторое недоверие к аристократии, справедливо подозревая ее в наличии симпатий к олигархической форме правления, и в Афинах действительно существовали политические организации, гетерии, деятельность которых носила подрывной по отношению к демократии характер. Результатом действий таких групп в конечном счете стали олигархические «революции» 411 и 404 гг. до н.э. (55, с. 49; 32, с. 403). Тем не менее в политической идеологии и практике демократических Афин оставалось много такого, что идентифицируется как «аристократическое». Ключевые пункты аристократической идеологии, соединенной с особой моделью поведения в частной и общественной жизни (прежде всего, знаменитый агональный дух – склонность к соперничеству и соревнованию, достижению превосходства во всем и

любой ценой, будь то война, спорт или политика, – являвшийся наиболее ярким проявлением аристократической доблести – *аретэ*), сохраняли свое значение как в V, так и в IV в. до н.э. И хотя демос осуждал те стороны аристократического поведения, которые слишком противоречили эгалитарным принципам, аристократические идеи *eugeneia* и *kalokagathia*, как отмечает Дж. Обер, были «демократизированы» и «национализированы», став в какой-то степени общим достоянием всех граждан (54, с. 260).

Тенденция, обнаруживаемая в речах аттических ораторов, рассматривать аристократические качества как доступные и даже свойственные простым афинянам, не столь удивительны, пишет американский исследователь, в силу привилегированного положения граждан Афин, статус которых был наследственным. В качестве членов правящей корпорации они являлись своего рода наследственной аристократией по отношению ко всем тем, кто гражданином Афин не являлся. Именно поэтому аристократическая этика и идеология были сравнительно легко приспособлены к потребностям демократического государства вместо того, чтобы служить подрыву эгалитарных идеалов. Результат кооптации как самой афинской знати, так и ее этических ценностей в политическую сферу демократии, считает Дж. Обер, был близок по своему эффекту с идеологическим контролем демоса над полисной элитой, проявлением его гегемонии в этой сфере (54, с. 291–292).

Важную роль в распространении аристократических атрибутов на всех афинян сыграл миф об афинском автохтонизме, который позволял всем гражданам считать себя «чистокровными» и, следовательно, «благородными» по определению. Это, в свою очередь, являлось одним из оснований их демократического равенства, а самой афинской демократии придавало аристократический оттенок. Автохтонное происхождение и вытекающая из нее «расовая» чистота являлись предметом значительной гордости, и в речах политических ораторов часто упоминались как отличительные черты, ставящие афинян выше не только неграждан, проживающих в Аттике, но и всех других греков (46, с. 69).

Из факта автохтонности вытекала и идея врожденного афинского патриотизма, а также тесно связанная с ней идея о необходимости сохранения чистоты гражданского коллектива, недопустимости проникновения в него посторонних, поскольку те не могли унаследовать любовь к стране и не имели в ней ни отеческих алтарей, ни могил предков, которые стоило бы защищать (54, с. 266). Не случайно именно начало эпохи радикальной демокра-

тии было ознаменовано упрочением принципа исключительности в подходе к проблеме гражданства. В 451/450 г. до н.э. эkkлeсия приняла предложенный Периклом закон, согласно которому для признания человека гражданином требовалось афинское происхождение не только по мужской, но и по женской линии (68, с. 25–27). Причины появления этого закона продолжают обсуждаться, но очевидно, что его принятие, как считает Т. Митчелл, было обусловлено не только стремлением ограничить число претендентов на получение связанных с афинским гражданством привилегий, но и заботой о сохранении «этнического ядра», образующего основу общей идентичности, обладающего общими традициями и культурой (45, с. 63).

Р. Осборн особо подчеркивает тот факт, что «афинская демократия крайне зависела от гомогенности гражданского населения, гомогенности, которая сознательно культивировалась – и культивировалась в ущерб личной свободе – и которая формировала не только тот самый контекст, в котором эта демократия только и могла эффективно функционировать, но и ту уникальную среду, в которой создавались классическая трагедия и комедия» (55, с. 27). Афинские граждане, пишет британский ученый, заметно различались по уровню богатства, образования и по стилю частной жизни, но несмотря на это афинский гражданский коллектив был сравнительно однороден.

Различие между богатыми и бедными в Афинах, отмечает Р. Осборн, не предполагало отношений прямой эксплуатации первыми вторых. С точки зрения богатых, ситуация была, скорее, обратной. Впрочем, для поддержания гомогенности гражданского коллектива гораздо большее значение имело исключение из него рабов и бывших рабов, что фактически означало выведение за его пределы эксплуатируемой рабочей силы. Использование рабского труда оставляло очень немного сфер жизни, где один афинский гражданин мог заставить другого выполнять работу, которую он считал унизительной для себя. Наличие рабов если и не устраняло полностью напряженность между высшими и низшими слоями афинского общества, то существенно снижало ее. Таким образом, и в идеологическом плане (унижающие занятия, свойственные зависимому положению, не могут выполняться свободными и равноправными гражданами в условиях декларируемого равенства), и на практике (потребности сельского хозяйства и ремесленного производства в рабочей силе) рабство имело большое значение для афинской демократии (55, с. 32, 81).

Учитывая относительную однородность афинского гражданского коллектива, вряд ли корректным можно считать длительное время обсуждаемый в науке вопрос о том, какие социальные группы доминировали в демократических институтах – бедняки или «средний класс». Кто бы ни участвовал в том или ином народном собрании или заседании суда, все афиняне, полагает британский исследователь, вероятно, реагировали на многие обсуждаемые проблемы практически одинаково. Это, разумеется, не смягчало остроту политических и судебных дебатов, но исключало возможность формирования политических партий. По той же причине едва ли можно провести разграничение в Афинах между театральной, «избранной», публикой и остальной массой граждан, и в целом между «высокой» и «народной» культурами. Театр и изобразительное искусство были ориентированы на широкую публику, одинаково воздействуя на взгляды элиты и масс, и внося тем самым свой вклад в укрепление однородности гражданского коллектива. В свою очередь, высокая вероятность того, что театральная аудитория не отличалась какой-то спецификой от тех же *dikastai* в народных судах или участников народного собрания, предполагает наличие весьма тесной связи между афинской драмой, судебной риторикой, общественной скульптурой и политической жизнью (55, с. 36).

В целом, заключает Р. Осборн, эффективность афинской демократии отнюдь не является следствием неких достоинств, присущих прямой демократии, – системы, при которой политические решения принимались постоянно меняющимся составом самоизбранных членов гражданского коллектива. Без корпоративной организации демоса, без той исключительности, которая нивелировала социально-статусные различия внутри полисной общины, и без усиливающего эти факторы воздействия крайне политизированного искусства демократия в ее афинской форме вряд ли могла функционировать. «Афинская демократия, – пишет он, – была порождена афинским образом жизни, который мы могли бы охарактеризовать как нелиберальный, культурно шовинистический и узкоограниченный. По существу, она является продуктом закрытого общества» (55, с. 37).

Одной из идеологических основ современного либерально-демократического взгляда на государство является тезис о необходимости строгого разграничения государства и (гражданского) общества, т.е. в конечном счете четкого разделения публичной и частной сфер и недопустимости вмешательства государства в то,

что относится к частной сфере. Между тем со времен Н.Д. Фюстель де Куланжа среди историков широко распространено мнение о том, что полис был таким типом политического сообщества, которое жестко контролировало и регулировало все аспекты человеческой жизни, и даже афиняне в эпоху демократии не имели представления о правах личности. Власть в греческом полисе в принципе, независимо от формы правления, носила тотальный характер, и, следовательно, Древняя Греция, несмотря на «изобретение» демократии, не была знакома с концепцией личной свободы. Напротив, та высокая степень преданности, которую греческий полис, и особенно демократические Афины, требовал от своих граждан, означает, что последние должны были жить скорее для полиса, чем для себя. Одним из первых, кто озвучил эту мысль, был Бенжамен Констан (1819), и она до сих пор имеет много сторонников.

Демократия вообще, как отмечает профессор Афинского университета Аристид Хатцис, в сущности, является способом достижения коллективных решений, при котором большинство придает им политическую легитимность даже при наличии несогласных с ним. Разумеется, такой способ принятия решений противоречит свободе, но он называется демократическим, поскольку именно так реализуется принцип суверенитета народа, в основе которого лежит именно власть большинства. Политическая система Афин, несомненно, была демократией, поскольку она представляла собой власть большинства в самой прямой, непосредственной форме. Но афинский режим, даже если он и был самым либеральным в Древней Греции, имеет очень мало сходства с либеральной демократией Нового времени, при которой свобода индивида в частной сфере защищена от вмешательства в нее не только авторитарного правительства, но и демократического большинства, зафиксированными в конституции правами личности. Для древних греков свобода состояла в коллективном использовании тех или иных аспектов полного суверенитета: в обсуждении вопросов войны и мира, в заключении союзов с другими государствами, в принятии законов и вынесении судебных вердиктов и т.д. Но чем-то абсолютно противоположным этой коллективной свободе было полное подчинение индивида воле гражданского коллектива, членом которого он являлся и который строго контролировал его действия как частного лица.

Таким образом, пишет А. Хатцис, афинский гражданин обладал правами, но, во-первых, это были политические права, а не

права личности, и, во-вторых, эти политические права принадлежали ему не в индивидуальном порядке, как в современных демократиях, а как части органического целого, в качестве которого выступал *dēmos* как политический субъект. «Индивидуалистическое» поведение вообще ассоциировалось с эгоцентризмом, и политическая система, находившаяся под защитой института остракизма, как, впрочем, и общественное мнение, относились к нему нетерпимо. Неудивительно, что в такой среде представление о правах личности не могло получить развития (34, с. 4–7).

Идея всевластного и всюду проникающего государства была детально разработана Платоном в трактатах «Государство» и «Законы». Прототипом представленной им модели идеального полиса в реальной действительности была Спарта, где имели место общественное (государственное) воспитание, регулирование браков и семейной жизни, имущественных отношений, быта и нравов граждан. Однако, как отмечает М.Г. Хансен, в Афинах, напротив, публичная сфера (*to koinon* или *demosion*) и частная сфера (*to idion*) разграничивались достаточно четко. Семейная жизнь, деловая жизнь, многие типы религиозных и прочих ассоциаций относились к частной сфере, тогда как публичная сфера идентифицировалась как сфера полиса и была исключительно политической сферой.

Вместе с тем, пишет датский историк, дихотомию общественного и частного в Афинах не следует рассматривать в плане противопоставления индивида и государства (как в современном мире), так как свободе индивида здесь противостоит не власть государства, но общественный контроль. Отсюда понятно стремление афинян провести границу не между индивидом и государством, а между частным лицом (*idiotes*) и политически активным гражданином (*politeumenos*). В политической сфере граждане (*politai*) были резко отделены от неграждан, но в частной сфере они сливались с ними. Таким образом, полагает М.Г. Хансен, в Афинах между полисом (как ассоциацией граждан для решения политических дел) и обществом существовало весьма заметное разграничение (30, с. 88–91; 25, с. 19–21). Свобода участвовать в политической жизни, распространявшаяся только на граждан, сочеталась со свободой от вмешательства должностных лиц полиса в частную жизнь, которая распространялась на всех, кто проживал в Афинах, за исключением рабов (а если верить критикам афинской демократии, то и на этих последних тоже) (30, с. 91–98).

Глубокое воздействие демократических перемен на всю социальную и культурную среду классических Афин, по-видимому,

признавалось как сторонниками, так и противниками демократии из числа современников. И в целом очень непросто реконструировать историческую действительность, скрывающуюся за двумя противоположными оценками афинской демократии: как анархического царства всеобщей свободы (Платон) и совершенного во всех отношениях общества, в котором с уважением относятся как к индивидуальной свободе, так и к законам (Перикл).

Мнение сторонников демократии в наиболее концентрированном виде выражено в знаменитой речи Перикла (в передаче Фукидида, сына Олора), произнесенной им при погребении афинян, павших в первый год Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.). В ней один из главных «архитекторов» системы обозначил набор основополагающих принципов и идеалов, которые данная система воплощала. И, что особенно важно, это единственный сохранившийся анализ характера демократии, сделанный ее апологетом из числа современников. Примечательно, что Перикл неоднократно подчеркивает тот факт, что демократия является не только формой правления (*politeia*) и определенным политическим этосом, но она формирует также и особый образ жизни (*trouoi*). Специфика последнего состоит именно в свободе, определяющей как общественную (*ta demosia*), так и частную (*ta idia*) сферы жизни афинян, между которыми он проводит четкую границу. Этот примечательный либеральный (в современном духе) этос резко контрастирует, и намеренно призван контрастировать, с крайним коммунитаризмом спартанской системы, не признающей никакой частной сферы (45, с. 67–69).

Несмотря на несомненно идеализированный образ афинской демократии в речи Перикла, в других источниках имеется немало указаний на то, что его мнение было не только риторическим приукрашиванием, обусловленным эмоциональной спецификой момента, но представляло собой распространенную оценку значения свободы при демократии. Ссылки на уникальные свободы, которыми пользуются афиняне, часто встречаются и в речах ораторов IV в. до н.э. О стремлении максимизировать личную свободу свидетельствует также отсутствие законов, регулирующих большинство аспектов частной жизни и деятельности. Таким образом, полагает Т. Митчелл, вряд ли можно согласиться с существующим в науке представлением о том, что афиняне, обладавшие политической свободой, были ограничены в плане личных свобод вмешательством со стороны государства (45, с. 72).

Действительно, трудно оспорить тот факт, что в социальном плане афинская демократия была более свободным обществом, чем какое-либо другое прежде (и долгое время после) существовавшее. Как показывают новейшие исследования, несмотря на четкое разграничение в формально-юридическом и идеологическом плане между гражданами (т.е. взрослыми афинянами мужского пола) и всеми прочими группами (женщинами, свободными негражданами-метеками и рабами), повседневная реальность, по видимому, была существенно иной. Очевидно, что демократические принципы свободы и равенства в той или иной степени отражались на положении всех социальных групп. И именно эта социальная свобода столь сильно тревожила Платона (см.: 20, с. 229).

По мнению ряда исследователей, различие между античной и современной концепциями свободы, которое нередко подчеркивается в научных дискуссиях, на самом деле не столь велико. Более того, как считают Н. Карагианнис и П. Вагнер, концепция свободы в том виде, как она сложилась в период между VI и IV вв. до н.э., может в некоторых своих компонентах послужить «лекарством от недостаточности» современной концепции свободы в индивидуалистическом либерализме эпохи модерна. Необходимость ее коррекции, с их точки зрения, обусловлена тем, что акцент на свободе индивида угрожает устойчивости современной политике, и, следовательно, актуальной задачей является восстановление связи между идеей «быть свободным в политике» и идеей «свободы политики» (40, с. 373).

Особое значение Афин для анализа данной проблемы объясняется тем, что их основополагающей чертой является совпадение коллективной и индивидуальной свободы, а также возможность достаточно детально проследить процесс, который привел к такому результату. На первом этапе этого процесса, отмечают Н. Карагианнис и П. Вагнер, в начале VI в. до н.э. происходит утверждение индивидуальной свободы, связанное с реформами Солона. Среди них наиболее важной мерой был запрет долгового рабства, обеспечивший юридическую защиту статуса свободного человека, или, иными словами, установивший неотъемлемое право каждого гражданина на личную свободу.

Вторым этапом стало создание политической сферы. Реформы Клисфена в конце VI в. до н.э. стали «открытием политики» в смысле создания и институционализации сферы участия граждан в обсуждении и решении общих вопросов, сферы коллективного самоопределения, т.е. – коллективной автономии.

Борьба за свободу против внешнего врага положила начало следующему этапу политико-концептуального развития. Вопрос о внешней свободе остро встал в связи с Греко-персидской войной в первой четверти V в. до н.э., в которой личная свобода каждого оказалась в тесной взаимосвязи со свободой своего полиса. После этих событий концептуальная связь между свободой в полисе и свободой полиса стала в целом очевидной, и результатом их соединения явилось «изобретение» демократии (40, с. 375–376).

В дальнейшем (особенно после двух весьма кратковременных и столь же катастрофических эпизодов олигархического правления в 411–410 и 404–403 гг. до н.э.) взаимосвязь между демократией и свободой, т.е. между коллективным и индивидуальным самоопределением, уже более не подвергалась сомнению. В развернувшейся в IV в. до н.э. теоретической рефлексии относительно лучшей политической формы Аристотель отстаивал идею о том, что именно свобода является основой демократии, и, в свою очередь, базируется на двух всеобщих принципах: (1) управлять и быть управляемым по очереди и (2) каждый живет так, как ему хочется (Pol., 1317 a40 – b3; b10–16).

Таким образом, отмечают исследователи, просматривается определенный континуитет между Аристотелевым акцентом на личной свободе и индивидуалистическим либерализмом эпохи модерна, отдающим приоритет автономии индивида. Примечательно, однако, что Б. Констан в свое время определял современную свободу как «наслаждение индивидуальной независимостью», а античную – как «активное и постоянное участие в коллективной власти». Не отрицая в целом правомерность этих дефиниций, Н. Карагианнис и П. Вагнер, в отличие от Б. Констан и его последователей, считают, что современная концепция не доказала своего однозначного превосходства над античной. Пренебрежение коллективной свободой, которая подозревается в способности нарушить принцип «каждый живет так, как ему хочется», определяет базовую несостоятельность современной концепции и в целом убожество современной политической мысли. Соответственно, полагают они, необходимо более внимательно рассмотреть ту концепцию свободы, которую создала Древняя Греция или, по крайней мере, древние Афины, и которая ни в коем случае не может считаться несостоятельной и отвергнутой историческим прогрессом. Эта концепция свободы включает в себе комбинацию личной и коллективной свободы, которая обнаруживает тенден-

цию к исчезновению в «современном» акцентировании свободы индивида (40, с. 382).

Для Аристотеля, однако, как подчеркивает В. Фаренга, «жить как хочется» означало «жить не как раб», что, в свою очередь, означало «не быть управляемым кем-либо, или, если это невозможно, быть управляемым и управлять по очереди». Таким образом, свобода гражданина предполагала не только свободу от подчинения другим, но также свободу в виде доли тех привилегий, которыми прежде обладал *basileus* протополисной эпохи. Каждый гражданин вносит свой вклад в коллективное применение *kratos*, может демонстрировать *euboulia* («мудрость») в обсуждении государственных дел и участвовать в определении того, что есть *themis* («справедливость») (17, с. 105–107). Необходимость и возможность регулярно принимать участие в политических решениях рассматривались Аристотелем как ключевой аспект свободы. И в целом афинская демократия предъявляла очень высокие требования к своим гражданам, заставляя их жертвовать значительной долей личной свободы ради общественных дел (20, с. 238).

Роль закона в демократических Афинах – относительно малоисследованный сюжет, по крайней мере в сравнении с политическими институтами. Само отсутствие детального анализа этой проблемы позволяет некоторым ученым высказывать иногда весьма спорные предположения о том, что «власть закона» имела в Афинах более фундаментальное значение, чем «власть народа», или (в качестве более осторожного варианта) что демократия IV в. до н.э. эволюционировала в таком направлении. Так, по мнению Т. Митчелла, «не было никакого более высоко ценимого и тщательно охраняемого принципа афинской демократии, чем суверенитет закона» (45, с. 107, 109–110). Однако, с точки зрения А. Хатциса, о существовании в Афинах власти закона, при которой, согласно Аристотелю, закон стоит выше граждан, даже большинства их, вряд ли можно говорить. Власть демоса не была ограничена ничем. Конституция отсутствовала, и любой закон мог быть аннулирован или проигнорирован временно сложившимся большинством.

Судебная система занимала в Афинах доминирующее положение. Однако афинские *dikasteria* были не столько судебными, сколько политическими органами. Не следует, разумеется, недооценивать прогрессивный характер системы афинских народных судов для своего времени, отмечает А. Хатцис. В ее рамках афиняне, действительно, достигли такой степени защиты себя от произвола властей, какой не имел ни один народ на земле, по крайней

мере в течение двух последующих тысячелетий. Они вполне могли ощущать себя свободными и независимыми, что, впрочем, в какой-то мере было иллюзией, учитывая нередко имевший место произвол самих судов.

Наиболее ярким примером в этом отношении является нарушение по воле демоса всех законных процедур в процессе над стратегами – победителями в морском сражении при Аргинусских островах и провал попыток Сократа защитить «права» стратегов. Манипулирование законом для достижения политических целей в конечном счете привело к осуждению на смерть самого Сократа. Причем, как подчеркивает А. Хатцис, подлинным обвинителем был не Анит – нувориш с подмоченной репутацией и политик, ставший популярным (несмотря на свое прошлое) благодаря участию в свержении «Тридцати», но сама демократическая «партия». Анит лишь озвучил имевшую широкую поддержку позицию демократов относительно критики Сократом идеи правления большинства и суверенитета демоса. При этом критика со стороны Сократа отнюдь не являлась выражением его пренебрежительного отношения к демократии. Сократ был всего лишь приверженцем идеи власти закона, и его критика демократии затрагивала главным образом этот аспект афинской политической системы (34, с. 8).

Анализируя специфическую правовую культуру и судебную практику демократических Афин в идеологическом, политическом и социальном контексте, Эдриан Ланни, профессор Гарвардской школы права, отмечает, что определяющей чертой афинского подхода к праву с современной точки зрения был «всеобщий непрофессионализм». Формальные правовые нормы были поразительно нечеткими, что позволяло интерпретировать их достаточно произвольно. Дела в афинских судах заслушивались коллегиями численностью в несколько сотен человек (от 201 до 1501, в зависимости от характера и важности процесса), отобранных по жребию. Греческий термин *dikastai* обычно переводят как «присяжные» (*jurors*) или как «судьи» (*judges*). Впрочем, ни тот ни другой вариант не являются вполне адекватными, поскольку афинские дикасты выполняли функции, сходные с функциями как современных судей, так и современных присяжных. Но, с точки зрения Э. Ланни, термин «присяжные» предпочтительнее именно потому, что позволяет избежать оттенка профессионализма, который заключен в слове «судьи» в современном мире и который был совершенно не свойственен греческим *dikastai* (42, с. 166).

Исход процесса решался простым большинством голосов в результате тайного голосования. При этом афинские «судьи» не чувствовали себя обязанными строго следовать нормам закона и были вольны основывать свой вердикт, исходя из общественных норм и обычаев, не являющихся объектом прямого и однозначного законодательного регулирования. Очень часто решающую роль играли сведения о репутации участников процесса и прочие аргументы внеправового характера. Представлять какие-либо обоснования вердикта судам не требовалось, а право апелляции на их решения отсутствовало (9, с. 44).

«Парадоксально, – пишет Э. Ланни, – но именно те особенности судебной системы, которые могут показаться нам наиболее противоречащими принципу власти закона, могли иметь действительно определяющее значение в поддержании порядка и, следовательно, в обеспечении стабильности демократии» (42, с. 168). Несмотря на не вполне квалифицированное применение законов, случайный характер и спорность отдельных судебных решений, афинские суды играли важную дисциплинирующую роль, воздействуя на поведение афинян в большей степени, чем любые неформальные общественные санкции или ценностные установки. Необходимо иметь в виду, что среднестатистический афинянин мог оказаться вовлеченным в судебный процесс гораздо чаще, чем современный гражданин западного общества, и суд, как правило, рассматривал, прежде всего, особенности его личности и поведения в прошлом, формально не относящиеся к существу дела. Тем не менее столь необычный афинский подход к правосудию, с точки зрения самих афинян, по-видимому, способствовал утверждению демократических ценностей тем, что расширял дискреционное право и, следовательно, свободу народного суда (42, с. 174).

В специальных работах, анализирующих афинскую судебную систему, как правило, большое (или даже слишком большое, по мнению Р. Осборна) внимание уделяется роли сикофантов. При этом, пишет британский ученый, отмечается явная тенденция интерпретировать сикофанство как «проклятие», «бедствие» или «болезнь» афинского общества и, что более важно, как своего рода профессию. Однако, отмечает он, образ сикофанта в современной историографии как «очернителя», инициирующего судебные дела из-за финансовых выгод и являющегося откровенным рэкетиром, является следствием ошибочной интерпретации риторических конструкций, содержащихся в судебных речах афинских ораторов. Как подчеркивает Р. Осборн, сикофанство

было жизненно необходимо для функционирования афинской демократии, но сикофантов не было в том смысле, что отсутствовал некий «класс» людей, которых можно было бы назвать профессиональными обвинителями, мотивированными в своих действиях чисто корыстными соображениями (55, с. 206).

Афинская судебно-правовая система была неразрывно переплетена с афинской прямой демократией. Организация, личный состав, процедуры и система аргументации в народных судах отражали демократическую идеологию, особенно – враждебное отношение к профессионализму. При этом, как отмечает Р. Гернер, терминология и дух демократических судов оставались тесно связаны с традиционной аристократической системой ценностей, которая ставила состязательные идеалы выше справедливости. Не случайно сами афиняне описывали судебные схватки, используя ту же терминологию, что и при рассказе об атлетических соревнованиях или военных действиях. С точки зрения общественной морали считалось естественным, как замечает Эсхил, «пнуть человека ногой, раз он уже упал» (21, с. 61). Судебные тяжбы широко использовались в качестве политического оружия, а сами суды часто служили форумом, на котором решался исход конфликта между лидерами политических фракций. Впрочем, афинское право обслуживало столь привилегированную социальную группу, какой являлось афинское гражданство в целом, что суды имели мало шансов стать ареной классового конфликта (21, с. 66).

Росту политического значения народного суда способствовало введение процедуры *graphē paranomōn* («жалоба на противозаконие») – публично-правового действия против антиконституционного предложения, с помощью которого любое постановление экклесии могло быть обжаловано как противоречащее существующему законодательству. Обвинение в противозаконии могло быть выдвинуто любым гражданином как до, так и после голосования по декрету в народном собрании, и оно принимало форму судебного преследования против инициатора декрета. Дело передавалось в *dikasterion* и осуждение имело двойной эффект: декрет аннулировался, а инициатор наказывался. Таким образом, народный суд приобретал функцию стража «конституции», ранее принадлежавшую Ареопагу (24, с. 99; 52, с. 66; 9, с. 134).

Участие в многочасовых судебных разбирательствах, вероятно, более значительной части граждан, чем в любом другом существовавшем когда-либо обществе, способствовало повышению престижа закона в глазах массы афинян (о чем, кстати, свидетель-

ствуует отмеченная современниками их склонность к сутяжничеству) (см.: 68, с. 220). Однако, заключает Э. Ланни, афинский правовой порядок вряд ли можно отождествлять с «властью закона». Тем не менее, полагает она, афинские суды, бесспорно, с большим успехом поддерживали политическую стабильность, чем суды в Риме – государстве с его абсолютной верой в «изобретенное» формализованное право (42, с. 176).

* * *

Афинская демократия была конечным итогом развития тенденций и трансформаций, которые вели к усилению роли политики в греческих городах-государствах. К середине V в. до н.э. Афины, разумеется, не были единственным демократическим полисом. Тем не менее демократия Афин была уникальной. Она возникла и развивалась параллельно и в тесном взаимодействии с морской политикой и империей. Само существование Афинской архэ оказывало огромное влияние на характер афинского общества и афинской демократии. Вопросы внешней политики, империи и войны оставались в центре внимания всех ее политических институтов, что было совершенно не характерно для других демократических полисов при всем их внешнем структурном сходстве с Афинами. Беспрецедентная вовлеченность афинских граждан в обсуждение политических вопросов, необходимость регулярно принимать решения, эффект которых во многих случаях распространялся далеко за пределы Афин, привели к росту значения политической сферы до, возможно, никогда уже не превзойденного уровня. Политика, как отмечает К. Раафлауб, приобрела в афинском обществе абсолютный характер, а политическая идентичность граждан ожидаемо получила преобладание над их социальной идентичностью. В результате публичная сфера стала заметно доминировать над частной сферой (61, с. 338).

Ни в одном другом демократическом полисе, даже в таком крупном, как, например, Хиос или Сиракузы, политика не играла такой исключительной роли, как в Афинах. Но ни один другой греческий полис, даже обладавший значительным военным флотом, не использовал для военных целей свой низший класс граждан столь постоянно и интенсивно, как Афины. Соответственно, полагает К. Раафлауб, условия для всеобъемлющей политизации всего гражданского коллектива существовали только в Афинах и

нигде более. В итоге афинский тип демократии оказался исключительным и занял крайнее положение в ряду вариантов демократии, детально описанных Аристотелем, тогда как в большинстве случаев демократический потенциал, изначально присущий греческому полису, обычно исчерпывался, достигнув стадии «исономии». Следовательно, трансформация Аристотелева *zōion politikon* из полисного существа в радикально политическое существо также, скорее всего, была специфически афинским, чем всеобщим греческим феноменом (61, с. 345).

Примечательно, что уже в упоминавшейся речи Перикла афинский лидер, рисуя портрет своих сограждан, подчеркивает их тотальную преданность общественной пользе, которая определяется им как могущество, величие и слава полиса, и которой каждый гражданин обязан полностью подчинять свои интересы. При этом он должен поступать в отношении своего государства как «любовник» (*erastēs*), что, в отличие от таких терминов, как *philopolis* или *philodēmos*, предполагает не лояльность, а именно страстную приверженность. Эта концепция образует ядро афинской гражданской идеологии, активно продвигаемой демократическим и имперским государством. Она постоянно воспроизводилась во многих формах в народном собрании, театре, монументах и скульптурных изображениях, напоминая все время гражданам о том, что их полис достиг уникального величия благодаря уникальной приверженности войне и жертвенности, и призывая их следовать данной традиции. При таких условиях, пишет К. Раафлауб, гражданин действительно становился *zōion politikon*, «политическим животным» не только в Аристотелевом смысле «полисного существа», но в смысле радикально «политического существа» или даже «политического зомби». В своих крайних формах это было явно нездоровое состояние, и таковым оно воспринималось разумно мыслящими людьми из числа самих афинян (61, с. 340).

В поставленной весной 411 г. до н.э., в разгар Пелопоннесской войны, комедии «Лисистрата» Аристофан показал, что кризис, вызванный войной, является результатом пагубного разделения публичной сферы политики и частной сферы домохозяйства. Политическая сфера стала автономной, утратив связь с ценностями домашней сферы, и обернувшись против последней, стала разрушать не только ее, но и себя. «Лисистрата», таким образом, полагает К. Раафлауб, является реакцией не только на ужасы войны и крайние формы продвижения могущества своего полиса, но также на афинскую гражданскую идеологию. Благополучие полиса, на-

стаивает Аристофан, требует реинтеграции гражданской социальной и политической идентичности и отказа от приоритета публичной сферы в афинской идеологии (61, с. 340).

Радикальная политизация афинских граждан стимулировала развитие фракционности. В результате политические идеи и ценности оказались расколоты противоположными демократическими и олигархическими интерпретациями. Демократия и олигархия стали рассматриваться как две взаимоисключающие формы государственного устройства, из которых каждая представляла собой правление в собственных интересах одной части граждан над другой. До тех пор, пока демократия оставалась успешной и давала элите возможность приобретать известность, славу и богатство, оппозиция была минимальной, но потенциал для фракционной борьбы всегда был значителен. С точки зрения представителей элиты, они были «порабощены» волей общины, частью которой они являлись, но никогда не были доминирующей частью, несмотря на свои достоинства. Соответственно, демократия, по их мнению, была ненормальной, неизлечимой и могла быть только упразднена и заменена иным, более разумным государственным устройством. Отчуждение было усилено длительной и ожесточенной Пелопоннесской войной (431–404 гг. до н.э.) (61, с. 342).

Конфликт между Афинской архэ и Пелопоннесским союзом приобрел характер идеологической войны между демократией, продвигаемой Афинами, и олигархией, поддерживаемой Спартой. В течение почти всего V в. до н.э. Афины неуклонно проводили агрессивную, интервенционистскую политику. И, по мнению ряда исследователей, нет серьезных оснований сомневаться в том, что этот империалистический курс, проявившийся после реформ Клисфена, был в значительной степени порождением нового политического порядка, вызвавшего подъем энергии и энтузиазма демоса (45, с. 91; 53, с. 99–101).

С точки зрения афинян, их империя была стратегической необходимостью. Первоначально она была инструментом борьбы с персидской угрозой, но очень скоро стала средством аккумуляции ресурсов, достаточных для того, чтобы добиваться гегемонии в греческом мире. Рост имперских тенденций во внешней политике шел параллельно с процессом радикализации демократии, поскольку главными получателями выгоды от расширения Архэ и увеличения военных расходов были, несомненно, представители низшего социального слоя, строившие и приводившие в движение военные корабли (45, с. 94).

Наличие сильного военного флота позволяло Афинской Архэ осуществлять активную имперскую экспансию, а режим радикальной демократии служил гарантом перераспределения имперских доходов в пользу беднейших слоев демоса. Расходы по финансированию военных кампаний несли богатые граждане, тогда как масса простого народа пользовалась плодами афинской гегемонии. В IV в. до н.э., когда «империи» уже не было, бремя военных расходов для богатых афинян стало еще более тяжелым. И именно этим в значительной степени объясняется «пацифизм» части афинской элиты в этот период. Таким образом, война в демократических Афинах служила важным инструментом перераспределения богатства внутри полиса (44, с. 183–186).

Разрушение существовавшего длительное время внутри афинского общества относительного консенсуса началось в 420-х годах до н.э., когда тяготы войны с Пелопоннесским союзом и особенно страшная эпидемия породили социальную и политическую напряженность. Но самым большим дестабилизирующим фактором, как считает Т. Митчелл, было появление двух новых политических сил – демагогов из числа новых богачей и молодых радикалов-аристократов. При всей несовместимости их взглядов на демократию, и те и другие разжигали милитаристские и империалистические настроения. Однако влияние вторых было даже более губительным. Они представляли собой совершенно новое поколение афинских политиков, воспитанных радикальной мыслью нового интеллектуального движения софистов, видение которыми власти и форм правления было почти полной противоположностью демократическому идеалу. Таким образом, разрыв между старым и молодым поколениями афинской элиты был не только политическим, но и культурным (45, с. 184).

Однако грубые ошибки афинян в ведении войны и их в целом авантюристическая и самоубийственная внешняя политика не могут быть полностью объяснены лишь заблуждениями и пороками их лидеров, отмечает Т. Митчелл. Война выявила серьезные изъяны в самой афинской модели демократии, на уровне самого демоса, санкционировавшего в народном собрании все важные решения. Демос, и прежде весьма самонадеянный, все более впитывал экстремистскую новую философию, акцентировавшую «право сильного». Его коллективные решения все чаще оказывались ошибочными именно в силу готовности воспринимать шовинистический милитаризм демагогов и радикалов и отвергать советы умеренных политиков. Более того, обнаружилось стремление

народной массы снять с себя всякие ограничения на принятие любых удобных ей решений, даже явно противозаконных. Эмоциональный отказ демоса по следам Аргинусского сражения (406 г. до н.э.) действовать в соответствии с законом показал опасный крен демократии в сторону охлократии. Вскоре после этого последовала катастрофа при Эгоспотамах, блокада и капитуляция Афин, а затем то, чего афиняне всегда боялись больше всего, – тирания олигархов (45, с. 186–187).

Однако террористический режим «Тридцати» за короткий период своего существования в 404–403 гг. до н.э. полностью дискредитировал олигархическое правление и олигархическую идею в глазах афинян. В 403 г. демократия была восстановлена и в IV в. до н.э. в Афинах определенно не было ничего, что можно было бы назвать олигархической оппозицией. Преимущества и недостатки правления демоса теперь оставались предметом споров лишь в рамках философских школ.

АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ IV в. ДО Н.Э.: ОТ «ВЛАСТИ НАРОДА» К «ВЛАСТИ ЗАКОНА»?

Значительную популярность в современной зарубежной историографии последних десятилетий приобрела идея о принципиальной разнице между афинской демократией V в. и IV в. до н.э. По словам К. Раафлауба, после хорошо продуманной ревизии законов, предпринятой в 403–399 гг. до н.э., демократия в Афинах представляла собой сбалансированный комплекс четко оформленных институтов, действовавших в рамках юридически определенных норм, совокупность которых, как считает он, приближалась к тому, что можно назвать «конституцией» (60, с. 5). Статус закона был повышен благодаря четкому разграничению между собственно законами (*νομοί*), как постоянно действующими общими нормами, и декретами (*ψεφίσματα*) – постановлениями экклесии по конкретным вопросам с ограниченным периодом действия (45, с. 202). В результате изменился сам характер афинской демократии: ничем не ограниченная, по существу тираническая, «власть демоса» уступила место «власти закона». Демократия, таким образом, утратила свой прежний крайний радикализм и стала более умеренной (либеральной в современном смысле, как полагают сторонники этой идеи). Соответственно, утверждение Аристотеля

о том, что установленная после реставрации демократии и «ныне существующая конституция» (*tēn nun ousan politeian*) постоянно расширяла власть большинства (*tō plēthei*), считается ошибочным и отвергается современными учеными (см., например: 66).

Свидетельством отхода от принципов радикальной демократии в институциональном плане один из главных апологетов данной концепции, М.Г. Хансен, считает тот факт, что на рубеже V–IV вв. до н.э. народное собрание утратило право принимать законы, которое было передано комиссии *nomothetai*, назначаемых по жребию из числа 6 тыс. судей (24, с. 98, 103). Теперь экклесия только в принципе решала вопрос о необходимости ревизии какого-либо старого закона или принятии нового, а комиссия номофетов после внимательного изучения принимала окончательное решение, которое не подлежало пересмотру. Вся процедура (*nomothesia*) выступала в форме судебной тяжбы между инициатором нового закона и гражданином, назначенным экклесией отстаивать старый закон. В целом это повышало эффективность законодательства, поскольку очевидно, что детальное обсуждение сложных правовых вопросов не могло быть проведено на общем собрании демоса (52, с. 87). В 355 г. до н.э. экклесия лишилась и последних остатков власти судебной, когда право выносить приговор в наиболее важных политических процессах в связи с чрезвычайными заявлениями (*eisangeliai*) о государственных преступлениях было передано народному суду, роль которого в целом заметно возросла. В результате, отмечает М.Г. Хансен, кроме выборов должностных лиц на те немногие должности, которые замещались не по жребию, «функции народного собрания все более сводились к тому, что можно подвести под категорию исполнительной власти. Все решения по вопросам внешней политики еще принимались собранием демоса, но во внутривнутриполитической жизни экклесия почти превратилась в административный орган управления, который принимал отдельные конкретные решения в рамках, очерченных законами» (24, с. 95).

Таким образом, полагает датский исследователь, утрата экклесией законодательной и судебной власти позволяет заключить, что в IV в. до н.э. народное собрание уже не было сувереном в Афинах, а сама афинская демократия по этой причине лишилась присущей ей во второй половине V в. радикальности. Власть демоса была поставлена в рамки законов, которые он не мог самостоятельно отменить или пересмотреть (24, с. 106).

Впрочем, среди зарубежных историков далеко не все оценивают указанные перемены столь же однозначно, как М.Г. Хансен. Так, по мнению австралийского исследователя Дж.Л. О'Нила, четкое разграничение полномочий между народным собранием и *дикастериями*, повышение политической роли народного суда можно рассматривать не как отказ от радикальной демократии, а скорее как стремление повысить эффективность ее функционирования в результате осмысления негативного опыта предшествующего периода. Кроме того, отмечает он, именно в течение IV в. до н.э. режим радикальной демократии был подкреплен комплексом мер, направленных на повышение степени участия рядовых граждан в управлении государством. Среди них наиболее важным стало введение платы за участие в народном собрании и постоянный ее рост на протяжении столетия несмотря на все более неблагоприятные экономические условия (52, с. 86–88).

С точки зрения Дж. Обера, конституционные меры, принятые в период между 403 и 399 гг. до н.э., могут рассматриваться даже как «завершение радикальной демократической революции V в.» (54, с. 98). В целом, однако, полагает он, поскольку и народное собрание, и народные суды, включая *номофетов*, представляли собой афинский *демос*, перенос части полномочий из одного органа в другой имел небольшое значение, если вообще его имел (54, с. 95–103, 299–304).

Реформы рубежа V–IV вв. до н.э., как считает Т. Митчелл, восстановили власть закона в качестве фундаментального принципа демократии. Однако они не ставили целью сделать ее более умеренной по сравнению с той, которая была в последние десятилетия V в. до н.э. Это не был шаг навстречу чаяниям сторонников так называемой *patrios politeia*, стремившихся к реставрации *клизфеновского* государственного устройства. Новая демократия IV столетия стала лишь лучше организованной, достигнув своей зрелой формы. Вся политическая система была ориентирована на коммунитарную культуру интенсивного и массового участия граждан в общественных делах. Этому способствовало обилие должностей, весьма многочисленный состав ряда государственных институтов, замещение подавляющего большинства должностей по жребию, фактическое игнорирование имущественного ценза и денежное возмещение за их исполнение.

По мнению Т. Митчелла, нет оснований считать, что в IV в. до н.э. народные суды (*dikasteria*) образовали отдельный суверенный элемент государственного устройства, положивший конец

прежней безраздельной власти народного собрания. Экклесия, разумеется, нуждалась во вспомогательных институтах. Таковыми с самого начала были совет пятисот и коллегии магистратов. В результате реформ Эфиальта и Перикла к ним присоединились и народные суды. Но ни один из этих институтов не обладал независимой властью. Как следует из «клятвы гелиастов», суды рассматривались как необходимая подпорка демократии, призванная обеспечить осуществление воли демоса и защиту государственного строя. Изменения в процедуре принятия законов (*nomothesia*) демонстрируют возрождение приверженности власти закона, но номофеты ни в коем случае не брали на себя функции законодателя. И в этом институте следует видеть не ограничение суверенитета экклесии, а лишь дополнительный заслон от ошибок в таком важном деле, как законодательство (45, с. 207).

В целом, полагает исследователь, демократия IV в. до н.э. отличалась от демократии V столетия еще большим усилением контроля экклесии за всеми другими органами власти и расширением участия в ее работе массы граждан, особенно из низших классов, благодаря введению платы за посещение собраний. Рост числа регулярных собраний в четыре раза, по сравнению с V в., до 40 в год, означал участие демоса в решении не только важных общеполитических, но и более частных вопросов (45, с. 234–235).

Тем не менее вряд ли можно отрицать тот факт, что почти все конституционные изменения после 403 г. до н.э. происходили в одном направлении, в направлении сокращения полномочий демоса – коллектива рядовых граждан, непосредственно участвующих в народном собрании. В течение первой половины IV в. до н.э. экклесия, бесспорно, уступила значительную часть своих полномочий судам и номофетам. А поскольку она традиционно считается «подлинным сувереном государства» и главным выразителем воли демоса, а суды – сдерживающим фактором этой воли, у исследователей формально имеются основания воспринимать ограничение власти народного собрания как переход к более умеренной модели демократии.

Действительно, в сочинениях античных авторов и в речах афинских ораторов экклесия предстает как наиболее важный политический институт Афин, обладающий верховным контролем над всей политикой государства. Однако, как отмечает Д. Кемэк, те же античные писатели в качестве института, наиболее тесно ассоциируемого с *dēmokratia* (в соответствии с их пониманием этого термина), называли не собрание, а суды (9, с. 20). При этом суды

рассматривались одинаково демократами и антидемократами как самый демократический или «народный» (*dēmotikon*) институт политической системы Афин (т.е. наиболее тесно связанный с *dēmos*’ом). Более того, в их представлении именно суды являлись фундаментом особой власти демоса над полисом, а контроль демоса над судами имел решающее значение для сохранения и развития самой *dēmokratia* (9, с. 43).

Аристотель в «Политике», описывая *politeia* Солона, отмечает, что он установил традиционную форму демократии, искусно смешав политические системы. В качестве олигархического элемента этой «смешанной» формы демократии он выделяет Ареопаг, аристократического – выборные должности, а «народного» (*dēmotikon*) – суды (*dikasteria*). По логике современных исследователей, пишет Д. Кемэк, в качестве «народного» элемента данной системы должно было стоять скорее народное собрание, тем более, что Солон, как известно, допустил к участию в нем низший класс граждан, фетов. Однако Аристотель концентрирует свое внимание именно на судах, подчеркивая то обстоятельство что Солон фактически придал демосу политическое значение тем, что создал суды из числа всех граждан (*ek panton*), независимо от их имущественного положения. Благодаря этому *dēmos* сделался *kyrios*, «господином», и занял ведущее положение в государстве. И в дальнейшем рост могущества демоса был прямым результатом усиления роли судов, что в конечном итоге привело к демократии в ее нынешней форме (9, с. 22–23).

Предположение о том, что суды могли быть главным инструментом власти демоса, подкрепляет описание «наиболее народных» реформ Солона также и в «Афинской политике». Среди них Аристотель выделяет то, что более всего укрепило позиции большинства – право апелляции к народному суду. В результате народ, приобретя владычество в голосовании (*psephos*), стал сувереном (*kyrios*) в государстве. В данном заявлении, как отмечает Д. Кемэк, особенно примечателен термин *psephos*, который обозначает камешек для голосования, используемый в судах, но не в народном собрании. В целом, заключает она, в исторической части «Афинской политики», как и в «Политике», суды предстают как главный фактор подъема демократии, что резко контрастирует с далеко не однозначной оценкой роли народного собрания. Результатом действий последнего в трех случаях было сокращение власти демоса (при установлении тирании Писистрата и во время олигархических

переворотов 411 и 404 гг. до н.э.), когда эkkлeсия своим голосованием фактически упразднила демократию (9, с. 27–29).

Однако более всего значение судов для демократии демонстрирует та часть «Афинской политики», в которой дается описание современного ее автору государственного устройства Афин. Из 28 глав данного раздела трактата семь посвящены судам, т.е. гораздо больше, чем эkkлeсии и всем прочим органам власти (9, с. 30).

Как подчеркивает Д. Кемэк, наиболее важное различие между афинскими *dikastai* и современными судьями или присяжными заключалось в политической значимости роли первых. Функция судов состояла не только в урегулировании тяжб между гражданами, но также в том, чтобы карать политиков, военных лидеров и прочих лиц, которых полис наделял полномочиями и действия которых могли показаться нарушающими волю или интересы демоса. Следовательно, дикасты обладали огромной политической властью, и когда в их роли выступали рядовые граждане, это означало, что простой народ обладает высшей властью в полисе, управляя им посредством судебных решений. Понятие «дикастическая демократия», по мнению Д. Кемэк, лучше всего подходит в качестве дефиниции подобной политической системы (9, с. 44–45).

Встречающееся в литературе определение афинской демократии как «совещательной» (*deliberative*), т.е. такой, в которой обсуждение и дебаты играют ключевую роль как часть политического процесса, вряд ли можно признать справедливым, полагает Д. Кемэк. Среди дикастов в судах вообще не было никакого обсуждения. Они лишь выслушивали стороны и голосовали. Более того, с ее точки зрения, термин «обсуждение» (*to bouleuesthai*) в греческом языке интерпретируется не вполне правильно. Он обозначает не столько дискуссию в рамках какой-то группы, сколько индивидуальное «внутренне-рефлексивное» (*internal-reflective*) обсуждение, т.е. размышление, будь то в суде или в эkkлeсии. Таким образом, главной функцией демоса действительно было «обсуждение», но оно означало слушание речей с последующим голосованием. Масса рядовых граждан активно в дискуссиях не участвовала. Выступающий с речью в собрании или в суде самим этим актом ставил себя, хотя бы временно, как бы вне демоса, превращаясь в оратора (*rhētor*) или политика (9, с. 47).

В целом предложенная Д. Кемэк интерпретация афинской политической системы, основанная на версии эволюции этой системы в сочинениях Аристотеля, несомненно, бросает вызов тради-

ционному видению *dēmokratia* в классических Афинах. Главный ее вывод состоит в том, что скорее народные суды, чем народное собрание, рассматривались современниками как главный орган афинской демократии и механизм колоссальной власти демоса, бесспорно, в IV в. до н.э., но в значительной степени и в V в. (9, с. 233).

Из этого, разумеется, не следует, что народное собрание перестало играть важную роль в афинской политической системе. Тем более нет оснований трактовать утрату экклесией части своих прерогатив и рост значения народного суда (*гелиэи*) как ограничение «суверенитета демоса» или тем более как его замену «суверенитетом закона». Для понимания «радикальной демократии», отмечает Д. Коэн, важно то, что «законы» при этой политической системе являются «собственностью» народа, *dēmos*'а, правление которого обозначено в самом термине *dēmokratia*. Афинская демократическая идеология имплицитно признавала, что «правление закона» является юридической фикцией. Правят не законы, но конкретные институты, которые могут быть наделены полномочиями, способными обеспечить верховенство закона. Демосфен определял демократическое понимание «суверенитета закона», идентифицируя его с самим демосом, который управляет посредством законов, и только поэтому «суверенитет закона» имеет какое-то значение (11, с. 170).

В представлении афинян экклесия воплощала собой весь демос. Однако вряд ли это можно рассматривать иначе, чем как юридическую и (даже в большей степени) идеологическую фикцию. На самом деле экклесия была органом власти демоса (хотя и с текучим, а не постоянным составом), таким же, как и народный суд. Верно, что в IV в. до н.э. законы принимала комиссия *номофетов*, назначенных из общего состава *гелиастов* (*дикастов*), но решение о том, что необходимо принять или изменить такой-то закон, полностью зависело от решения экклесии. Законодательной инициативой народный суд не обладал. Таким образом, между тремя государственными органами – *ekklēsia*, *nomothetai* и *dikasteria* – была разделена законодательная процедура, но не суверенитет демоса как таковой. Поэтому Аристотель, характеризуя современную ему афинскую демократию IV в. до н.э., имел все основания утверждать, что «народ (*ho dēmos*) сделал себя господином всего (*kyrios panton*), и все управляется декретами (*psephismata*) и судами (*dikasteria*), в которых он является властелином» (*Ath. Pol.*, XV, 41, 2). В свете сказанного понятна оценка великим философом и «поли-

тологом» древности афинской демократии IV в. до н.э. как крайней (т.е. последней по времени и радикальной по форме). И в целом, отмечает российский историк Т.В. Кудрявцева, в сочинениях античных авторов эволюция афинской демократии выглядит, скорее, как движение от власти закона к власти народа, а не наоборот (1, с. 415).

Разумеется, афинская демократия IV в. отличалась от демократии предшествующего столетия. Однако это был лишь несколько подкорректированный вариант все той же радикальной демократии, более рационально оформленной тирании демоса (т.е. власти, стоящей над законом и действующей в своих интересах, по определению Аристотеля) (Pol., 1292 a, 1317 b).

В основе популярности в зарубежной историографии идеи о принципиальном отличии демократии IV в. от демократии V столетия именно в плане ее эволюции от «власти народа» к «власти закона», как показала Т.В. Кудрявцева, лежит ошибочная убежденность в том, что древняя (прямая) и современная (представительная) демократии являются лишь разными видами одного и того же рода политического устройства общества. Различия между ними, как считается, носят преимущественно технический характер, обусловленный большой разницей в их количественных характеристиках (размер территорий, численность населения). Но в отношении главных ценностей, таких как свобода и равенство, имеется практически полное совпадение. Отсюда, пишет Т.В. Кудрявцева, следует «вполне логичное умозаключение: раз представительная демократия с момента своего возникновения в XVIII в. шла по пути либерального совершенствования, то и древняя демократия должна была идти по тому же самому пути – т.е. по пути прогресса в “правильном” направлении» (1, с. 430). Сторонников «либерального» взгляда на эволюцию афинской демократии не смущает то обстоятельство, что он не находит подтверждения в известных исторических фактах и главное – категорически опровергается свидетельствами современников, которые невозможно объяснить одними только ссылками на классовую предвзятость и «генетическую антидемократичность».

Между тем имеются веские теоретические основания для сомнений в том, что прямая и представительная демократии являются видами одного и того же рода. Как показал российский философ В. Вольнов, на выводы которого в данном вопросе опирается Т.В. Кудрявцева, по способу воспроизводства власти и надзора за нею формы правления делятся на автократические и демократи-

ческие. При автократии власть воспроизводит и смотрит за собой сама (невыборная и неподнадзорная власть), при демократии власть воспроизводят и за ней смотрят люди, сами властью (правом на закон) не обладающие (выборная и поднадзорная власть). И в этом отношении представительная демократия полностью соответствует данному определению демократии. Несмотря на то что формально (по конституции) верховная власть (право на закон) принадлежит народу, фактически в современных демократиях он обладает лишь правом на избрание людей, которые будут обладать правом на закон.

В условиях прямой демократии верховная власть принадлежит народу пожизненно и переходит по наследству от одного поколения к другому. Без всяких выборов каждый гражданин по достижении определенного возраста становится частью верховной власти. Такая демократия является разновидностью автократии и, следовательно, родственна не представительной демократии, а монархии и олигархии (1, с. 428–429).

Собственно это обстоятельство, пишет Т.В. Кудрявцева, и подчеркивал Аристотель, когда давал в «Политике» детальное описание радикальной демократии как такой государственной формы, при которой верховная власть принадлежит простому народу, массе неимущих, а не законам (Pol., 1293 a10, 1292 a5). «В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; потому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами» (Pol., 1292 a15–20). И в дальнейшем Аристотель неоднократно отождествляет радикальную (крайнюю) демократию с тиранией.

Таким образом, заключает Т.В. Кудрявцева, лишь признав сущностное (родовое) различие между прямой и представительной демократией, можно устранить диссонанс между представлениями о характере и эволюции афинской демократии у античных писателей и современных историков (1, с. 434).

Список литературы

1. *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. – СПб., 2008. – 464 с.
2. *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: Новые подходы к сопоставлению. – М., 2007. – 212 с.
3. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-изд. – М., 1968. – Т. 46. Ч. 1. – С. 461–508.
4. *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. – М., 2006. – 640 с.
5. *Arnason J.P.* Exploring the Greek Needle's Eye: Civilizational and Political Transformation // *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A politico-cultural transformation and its interpretations* / Ed. by Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P. – Malden (MA), 2013. – P. 21–46.
6. *Berent M.* Anthropology and the classics: War, violence and the Stateless Polis // *Classical Quarterly*. – Oxford, 2000. – N 50. – P. 257–289.
7. *Bowden H.* Hoplites and Homer: Warfare, hero cult and the ideology of the Polis // *War and society in the Greek world* / Ed. by Rich J., Shipley G. – L.; N.Y., 1995. – P. 45–63.
8. *Cammack D.L.* The dēmos in dēmokratia [Электронный ресурс] // *Ancient Greek and Roman History: eJournal*. – 2017. – Sept. 22. – P. 1–23. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=2881939> (accessed: 07.10.2017).
9. *Cammack D.L.* Rethinking Athenian Democracy: Doctoral dissertation. 2013 [Электронный ресурс]. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 2018. – Febr. 24. – XIV, 270 p. – Mode of access: http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:10423842.cammack_gsas.harvard.00841_10724.pdf?sequence=3
10. *Cartledge P.* Hoplites and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare // *J. of Hellenic Studies*. – L., 1977. – Vol. 97. – P. 11–27.
11. *Cohen D.* Tyranny or the Rule of Law? Democratic Participation in Legal Institutions in Athens // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – P. 167–177.
12. *Coldstream J.N.* Geometric Greece, 900–700 BC. – 2 d ed. – L.; N.Y., 2003. – 443 p.
13. *Collis J.* The European iron age. – L., 1984. – 192 p.
14. *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – 531 p.
15. *Davies J.K.* Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. – N.Y., 1981. – 178 p.
16. *Dickinson O.* The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and change between the twelfth and eighth centuries BC. – L.; N.Y., 2006. – XVI, 298 p.
17. *Farenga V.* Liberty, Equality and Authority: A Political Discourse in Greek Participatory Communities // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – P. 101–112.
18. *Finley M.I.* Democracy ancient and modern. – L., 1973. – 118 p.
19. *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. – Berkeley etc., 1991. – XVII, 199 p.
20. *Forsdyke S.L.* The Impact of Democracy on Communal life // *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A politico-cultural transformation and its interpreta-*

- tions / Ed by Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P. – Malden (MA), 2013. – P. 227–259.
21. *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. – L.; Sydney, 1987. – 161 p.
  22. *Gomme A.W.* The population of Athens in the fifth and fourth centuries BC. – Westport (Conn.), 1986. – 87 p.
  23. *Hammer D.* Introduction // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – P. 1–7.
  24. *Hansen M.H.* The Athenian assembly in the age of Demosthenes. – Oxford; N.Y., 1987. – VIII, 249 p.
  25. *Hansen M.H.* Was Athens a democracy? Popular rule, liberty and equality in ancient and modern political thought. – Copenhagen, 1989. – 47 p.
  26. *Hansen M.H.* The concepts of *dēmos*, *ekklesia* and *dikasterion* in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. – L., 2010. – N 50. – P. 499–536.
  27. *Hansen M.H.* The Hellenic Polis // A comparative study of thirty city-state cultures: An investigation conducted by Copenhagen Polis Centre / Ed. by Hansen M.H. – Copenhagen, 2000. – P. 141–187.
  28. *Hansen M.H.* Introduction: The Polis as a citizen state // The ancient Greek city-state: Symp. on the occasion of 250th anniversary of the Roy. Danish acad. Of sciences a. letters, July 1–4, 1992 / Ed. by Hansen M.H. – Copenhagen, 1993. – P. 7–29.
  29. *Hansen M.H.* Introduction // The Imaginary Polis, Symposium, January 7–10, 2004 / Ed. by Hansen M.H. – Copenhagen, 2005. – P. 9–24.
  30. *Hansen M.H.* Polis and city-state: An ancient concept and its modern equivalent: Symposium, Jan. 9, 1998. – Copenhagen, 1998. – 217 p.
  31. *Hansen M.H.* The Polis as an urban centre: The literacy and epigraphical evidence // The Polis as an urban centre and as a political community: Symposium, Aug. 29–31, 1996 / Ed. by Hansen M.H. – Copenhagen, 1997. – P. 9–86.
  32. *Hansen M.H.* Political Parties in Democratic Athens? // Greek, Roman and Byzantine Studies. – L., 2014. – N 54. – P. 379–403.
  33. *Hansen M.H.* Was the Polis a state or stateless society? // Even more studies in the ancient Greek Polis: Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 / Ed. by Nielsen Th.H. – Leipzig, 2002. – P. 17–47.
  34. *Hatzis A.N.* The Illiberal Democracy of Ancient Athens [Электронный ресурс] // Ancient Greek and Roman History: eJournal. – 2016. – Aug. 24. – P. 1–16. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=2810070> (accessed: 26.12.2016).
  35. *Hignett C.A.* A history of the Athenian constitution to the end of the fifth century B.C. – Oxford, 1952. – 420 p.
  36. *Hodkinson S.* Was classical Sparta a military society? // Sparta and war / Ed. by Hodkinson S., Powell A. – Swansea, 2006. – P. 111–162.
  37. *Ismard P.* Associations and Citizenship in Attica from Solon to Cleisthenes // Defining Citizenship in Archaic Greece / Ed. by Duplouy A., Brock R. – Oxford, 2018. – P. 145–160.
  38. *Jeffery L.H.* Archaic Greece: The city-states ca. 700–500 B.C. – L., 1976. – 272 p.
  39. *Kagan D.* Pericles of Athens and the birth of democracy. – N.Y., 1991. – XV, 287 p.
  40. *Karagiannis N., Wagner P.* The Liberty of the Moderns compared to the Liberty of the Ancients // The Greek Polis and the Invention of Democracy: A politico-

- cultural transformation and its interpretations / Ed. by Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P. – Malden (MA), 2013. – P. 371–388.
41. *Konstan D.* Reading the Past (On Comparison) // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – P. 9–19.
  42. *Lanni A.* Law and Democracy in Classical Athens // The Greek Polis and the Invention of Democracy: A politico-cultural transformation and its interpretations / Ed. by Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P. – Malden (MA), 2013. – P. 163–180.
  43. *Manville Ph.B.* The origins of citizenship in ancient Athens. – Princeton, 1990. – XIV, 265 p.
  44. *Millett P.* Warfare, economy and democracy in classical Athens // War and society in the Greek world / Ed. by Rich J., Shipley G. – L.; N.Y., 1995. – P. 177–196.
  45. *Mitchell Th.N.* Democracy's Beginning: The Athenian Story. – New Haven; L., 2015. – 368 p.
  46. *Morgan K.A.* Autochthony and Identity in Greek Myth // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – P. 67–82.
  47. *Morris I.* Burial and Ancient Society: The rise of the Greek City-State. – Cambridge, 1987. – 262 p.
  48. *Mossé Cl.* The Demos's Participation in Decision-making: Principles and Realities // The Greek Polis and the Invention of Democracy: A politico-cultural transformation and its interpretations / Ed. by Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P. – Malden (MA), 2013. – P. 260–273.
  49. *Murray O.* Early Greece. – 2nd ed. – Cambridge (Mass.), 1993. – 353 p.
  50. *Nicolet Cl.* The world of the citizen in Republican Rome. – Berkeley; Los Angeles, 1988. – 435 p.
  51. *Nippel W.* Ancient and Modern Democracy: Two Concepts of Liberty? – Cambridge, 2016. – 375 p.
  52. *O'Neil J.I.* The origins and development of ancient Greek democracy. – Lanham (Md), 1995. – IX, 189 p.
  53. *Ober J.* «I Besieged That Man»: Democracy's Revolutionary Start // Origins of Democracy in Ancient Greece / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 83–104.
  54. *Ober J.* Mass and elite in democratic Athens: Rhetoric, ideology and the power of the people. – Princeton (N.J.), 1989. – XVIII, 390 p.
  55. *Osborne R.* Athens and Athenian democracy. – Cambridge etc., 2010. – XIX, 462 p.
  56. *Osborne R.* Demos: The discovery of Classical Attica. – Cambridge etc., 1985. – XIV, 284 p.
  57. *Powell C.A.* Athens and Sparta: Constructing Greek political and social history from 478 BC. – L., 1988. – 423 p.
  58. *Raaflaub K.A.* The Breakthrough of Dēmokratia in Mid-Fifth-Century Athens // Origins of Democracy in Ancient Greece / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 105–154.
  59. *Raaflaub K.A.* Homer to Solon: The rise of the Polis: The written sources // The ancient Greek city-state: Symp. on the occasion of the 250-th anniversary of the Roy. Danish Acad. Of Sciences a. Letters, July 1–4, 1992 / Ed. by Hansen M.H. – Copenhagen, 1993. – P. 41–105.

60. *Raaflaub K.A.* Introduction // *Origins of Democracy in Ancient Greece* / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 1–21.
61. *Raaflaub K.A.* Perfecting the «Political Creature»: Equality and «the Political» in the Evolution of Greek Democracy // *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A politico-cultural transformation and its interpretations* / Ed. by Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P. – Malden (MA), 2013. – P. 323–350.
62. *Raaflaub K.A.* Soldiers, citizens and the evolution of the early Greek polis // *The development of the Polis in Archaic Greece* / Mitchell L.G., Rhodes P.J. (eds.). – L.; N.Y., 1997. – P. 49–59.
63. *Raaflaub K.A.* Why Greek Democracy? Its Emergence and Nature in Context // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – P. 23–43.
64. *Raaflaub K.A., Wallace P.W.* «People’s Power» and Egalitarian Trends in Archaic Greece // *Origins of Democracy in Ancient Greece* / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 22–48.
65. *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. – Oxford, 1972. – 351 p.
66. *Rhodes P.J.* Athenian Democracy after 403 BC // *Classical Journal*. – Menasha, 1980. – Vol. 75. – P. 305–323.
67. *Rhodes P.J.* The Congruence of Power: Ruling and Being Ruled in Greek Participatory Communities // *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by Hammer D. – Oxford, 2015. – P. 131–145.
68. *Sinclair R.K.* Democracy and participation in Athens. – Cambridge etc., 1988. – XVI, 253 p.
69. *Snodgrass A.M.* The hoplite reform and history // *J. of Hellenic studies*. – L., 1965. – Vol. 85. – P. 110–122.
70. *Starr Ch.* The economic and social growth of Early Greece. 800–500 B.C. – N.Y., 1977. – 267 p.
71. *Stockton D.* The classical Athenian democracy. – Oxford; New York, 1990. – XIII, 201 p.
72. *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian war: Class, faction and policy, 403–386 BC. – L.; Sydney, 1986. – 191 p.
73. *Tandy D.W.* Warriors into traders: The power of the market in early Greece. – Berkeley etc., 1997. – XV, 296 p.
74. *Wallace R.W.* Revolutions and a New Order in Solonian Athens and Archaic Greece // *Origins of Democracy in Ancient Greece* / Ed. by Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. – Berkeley etc., 2007. – P. 49–82.
75. *Wees H. van.* Citizens and Soldiers in Archaic Athens // *Defining Citizenship in Archaic Greece* / Ed. by Duplouy A., Brock R. – Oxford, 2018. – P. 103–143.
76. *Wees H. van.* The Homeric Way of War // *Greece and Rome*. – Oxford, 1994. – Vol. 41, N 1–2. – P. 1–18; 131–155.
77. *Wees H. van.* The myth of the middle-class army: Military and social status in Ancient Athens // *War as a cultural and social force: Essays on warfare in antiquity* / Ed. by Bekker-Nielsen T., Hannestad L. – Copenhagen, 2001. – P. 45–71.
78. *Whitehead D.* The demes of Attica 508/7 – ca. 250 BC: A political and social study. – Princeton (N.J.), 1986. – 485 p.
79. *Wood E.M.* Peasant-citizen and slave: The foundations of Athenian democracy. – L.; N.Y., 1989. – 210 p.

А.Е. Медовичев

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ИЗУЧЕНИИ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 29 / VIII– 2019 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 5,75 Уч.-изд. л. 5,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 64

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33